

ЗАХАР ПРИЛЕПИН

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

ЛИМОНКА В ВОЙНУ

ОТ ЛАУРЕАТА ПРЕМИИ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР»

18+

Сборник Захар Прилепин «Лимонка» в войну

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21150893

«Лимонка» в войну / сост. Захар Прилепин.: Алгоритм; Москва; 2016

ISBN 978-5-906861-96-2

Аннотация

Эта книга о предчувствии войны; и о том, как эти предчувствия вдруг начинает сбываться. О том, как русские пацаны раздумывают, приглядываются, и однажды пробуют оружие на вес. Сербия, Иран, Таджикистан, Осетия, Абхазия, Азербайджан, Чечня... Пацаны едут в «горячие точки», видят все своими глазами, вступают в «Интербригады», рвутся на Донбасс. Описывают то, что знают лучше многих. Во многих переделках конца прошлого столетия и на первых войнах XXI века побывали авторы этой книги. Знакомьтесь. Всем нам еще не раз придется повстречаться с ними.

Содержание

От составителя	4
Русский пацан с оружием в руках	7
Часть первая	13
Жопа мира	13
Пейзаж, нарисованный чаем	39
Как поехать в Ирак на джихад?	46
Сухум – Цхинвал	66
Азербайджан	86
Иран	96
Северная Корея	107
Куба	114
Курдистан	123
Конец ознакомительного фрагмента.	126

«Лимонка» в войну

Составитель

Захар Прилепин

От составителя

Люди едут на войну. Бездомные офицеры и недоучившиеся студенты, авантюристы и идеалисты, добровольцы и наемники, политические фанатики и модные журналисты. Искушенные профессионалы и близорукие туристы. Едут к линиям фронта и на земли враждующих племен, в зоны этнических чисток и партизанских диверсий. В страны-изгои, в горы, пустыни, джунгли. В том числе каменные.

Едут «почувствовать прохладу оружия», приобщиться к мировому джихаду или мировой революции, а то и к новому мировому порядку.

Их не гонят на войну, их даже пытаются туда не пускать. И все они отличаются от тех, кого на войну везут.

Эта книга для тех и о тех, кто едет на войну.

Поедем на войну
Поедем на войну

*В Очамчире умереть – красиво,
Солнечная долька на губах.
В роще ароматных апельсинов
Глядя, как любимую, автомат,
Забыв весь страх,
Что улицы Москвы беззаконны,
Идешь как будто раздетым.
Зло и Добро невесомы...*

Поедем на войну.

*До Краины узким коридором,
Где средневековия закон,
И над всеми только пули богом,
Но и сам ты с пулями как бог,
Имеешь право ответа!
А снег московский грязен.
Опасность в собственном доме.
Друг и Враг неразделяем...*

Поедем на войну.

*А в жизни так мало нужно:
Почувствовать себя кем-то,
В руке прохладу оружия,
Запах мужской и терпкий,
В глазах своих мираж дома...
В глазах врага по-другому
Всё!*

Поедем на войну...

Наталия Медведева, февраль 2003

Русский пацан с оружием в руках

Другороссы – это представители партии «Другая Россия»; они же ныне запрещенные «нацболы», они же лимоновцы, они же бойцы «Интербригад». Слышали, наверное.

Впрочем, в наши дни информационные волны идут с такой частотой, что многое скоро забывается. Наверное, какие-то вещи придется напомнить. В середине 90-х годов писатель Эдуард Лимонов создал в России Национал-большевистскую партию.

К тому моменту Лимонов в качестве любопытствующего литератора, военкора, а порой и добровольца объездил все попавшиеся ему на пути «горячие точки», за что был исключен из европейского литературного истеблишмента, но заработал в определенных кругах репутацию человека яркого и бесстрашного.

Соответственно, и в его организации сразу сделали ставку на самых яростных и дерзких – в противовес тяжеловесным представителям официальных парламентских партий.

Нацболы были агрессивны, антибуржуазны, требовали реанимации и восстановления империи. Упрямо утверждали, что, несмотря на все наши «демократические преобразования», конфликт России и Запада неизбежен, а неолиберализм в России не приживется.

(Дразня новейшую буржуазию, в середине 90-х нацболы

ходили по улицам Москвы с лозунгом «Завершим реформы так: Сталин, Берия, ГУЛАГ!»).

В 90-е дезориентированное население России зачастую воспринимало нацболов как банду дикарей. В то время как эти парни во многом оказались замечательно прозорливы.

Новое российское буржуазное государство всегда воспринимало НБП в качестве противника – в то время как нацболы были самыми неистовыми патриотами в стране. Хоть и «левого», «большевистского» толка.

Характерно, что и в России, и, к примеру, на Украине государство, так или иначе, пестовали «правые», откровенно фашиствующие группировки. У нас контора «крышевала» футбольных фанатов, в Киеве Янукович и все его предшественники понемногу отстегивали купюры на будущий «Правый сектор» и тренировочные лагеря бритоголовых. В «час X» вдруг выяснилось, что российские аналитики и лично Янукович всё перепутали, потому что их подопечные в целом забили на донбасское ополчение и уехали воевать в украинские добровольческие батальоны.

Но это было несколько позже.

На территорию «большой политики» Лимонова со товарищи так и не допустили; зато эта организация активно отметилась на других уровнях и фронтах.

«Нацболы» провели десятки, а скорее даже сотни скандальных акций по всей России и за ее пределами. Визитной карточкой организации стали ненасильственные захваты тех

или иных органов власти или знаковых публичных мест.

Нацболы первыми, еще в 1999 году, объявили на весь Крым: «Севастополь – русский город!» (15 нацболов получили за ненасильственный захват морской башни в Севастополе по пять месяцев украинской тюрьмы).

Поначалу (а некоторые чудаки – и по сей день) воспринимали нацболов как группу «артистов», арт-проект, перманентную культурную акцию.

Тем временем Эдуарда Лимонова и соратников взяли на Алтае и обвинили в попытке вооруженного вторжения в Казахстан (с целью отторжения северных территорий Казахстана в пользу России). Прокурор требовал персонально для Лимонова «четвертной» – однако обнаружилась проблема с доказательствами: «контора» поторопилась с захватом лимоновской группы и в необходимом количестве доказательств не нашла. А могла бы.

Партийцев все равно посадили, но дали существенно меньше.

Чтобы хоть как-то урезонить лимоновцев, которых не удалось запугать или в полном составе отправить за решетку, лимоновскую НБП запретили как экстремистскую организацию.

Так на месте объявленной вне закона НБП появилась партия «Другая Россия» – с тем же лидером и тем же составом.

Запреты и массовые посадки (в партии отсидело свыше 250 человек, тысячи прошли через многократные админи-

стративные задержания) не смогли ни на что повлиять. Задор и мужество партийцев оказались неистребимы.

Нацболы-другороссы не только отличились захватом приемной Администрации президента РФ в Москве и захватом Минздрава (так они добивались отмены закона о монетизации льгот – и, между прочим, добились), но и с разными целями посетили дюжину военных конфликтов в самых разных концах земного шара.

Лимоновцам, как выяснилось, дело есть до всего.

Но книга эта, по большому счету, далеко не только о войне.

Она о предчувствии войны и о том, как это предчувствие вдруг начинает сбываться.

Здесь в живом режиме выкладывается геополитическая картина мира, сложившаяся после череды войн, связанных с распадом СССР.

Здесь начинается новая череда войн, связанных с движением к воссозданию распавшейся империи.

По этой книге можно в целом проследить, как все это было, и понять, что будет.

Поначалу русские пацаны приглядываются, принохиваются, пробуют оружие на вес. Изучают биографии действующих или недавно убитых, засуженных, посаженных, подло уничтоженных героев того или иного сопротивления.

Ополченцы, военкоры, журналисты, а часто – просто праздные гуляки – нацболы-другороссы мечутся повсюду.

Впрочем, часто с конкретными целями. С целями все более и более конкретными.

Мелькают: Сербия, Иран, Таджикистан, Осетия, Абхазия, Азербайджан, Чечня...

Пацаны видят все своими глазами и пишут отчеты в главный партийный печатный орган: легендарную газету «Лимонка».

Партийные представительства нацболов в Прибалтике устраивали акции прямо на объектах НАТО. Другие партийцы работали на территории Украины и давно догадывались, к чему все идет.

Характерно, что в Ираке одни нацболы контактировали с бойцами Сопротивления, а другие – ездили туда в составе подразделений миротворцев. В принципе пацаны могли бы случайно убить друг друга. Но то была не наша война – там партийцы просто набирались опыта.

В какой-то момент набрались до такой степени, что, создав – в рамках партии – движение «Интербригады», – переехали на Донбасс свыше тысячи человек и создали там несколько военных подразделений, активно воевавших на стороне ополчения.

О своих многочисленных приключениях отписались, конечно же, далеко не все и даже не половина партийцев.

Одни не хотят палиться, другие – хвалиться, третьи – еще на войне (некоторые уже два года безвылазно), четвертые – не мастера писать сочинения.

Но в целом картина ясна.

Мы видим русского пацана в переделках конца прошлого столетия и на первых войнах XXI века.

Знакомьтесь. Вам еще не раз придется с ним повстречаться.

Захар Прилепин, 2015

Часть первая

До Краины узким коридором

Жопа мира

1. Абдулло

– Видишь, горы, брат? Они, сверху летишь, очень на сухое говно похожий, да? Много кучи! – Беспокойный молодой таджик слева, у иллюминатора, никак не унимался. Он нервничал весь полёт, сильно тряс то одной, то другой ногой, громко вздыхал, вскакивал и убегал в туалет, через минуту возвращался. – Извините. – Мне и старухе справа от меня приходилось всё время подсказывать, чтобы пропускать его туда-сюда, и старуха, уже просто не переставая, шипела на него из глубин своего многослойного азиатского тряпья. Но парень был явно не в себе, и чем меньше времени оставалось лететь до Худжанда, тем сильнее он волновался и всё настойчивей пытался заговорить со мной.

– Мы на земле стоим, смотрим и говорим, ах, какие наши горы високий, красивый создал Аллах, вот они там ангелы Аллаха на вершинах сидят, за нами контролируют. А Аллах

выше гор, он смотрит на них и думает, это сухое говно, кизяк, а нас он вообще не видит и не слышит. Мы для него – блоха. Тебе, брат, как блоха живёт, интересно, да? А Аллах, Ему, вообще, насрать на меня, на тебя! А? Ты же не спишь, брат! Почему со мной не говоришь?

Я стараюсь делать вид, что сплю, и всё крепче наматываю ремень своей сумки на кулак. И нервничаю, наверное, не меньше, чем сосед. Там, на дне сумки, в коробках из-под видеокассет лежат 14 тысяч долларов и столько же в рублях. Деньги в Афганистан для Дятла, и боевые для тех, кто в Душанбе. Три часа назад при посадке в Домодедове они едва не стали добычей толсторожего, очкастого таможенного начальника. Он мгновенно меня вычислил, как только я вступил в зону контроля, и попытался нахрапом конфисковать всё. Скорее всего, он просто делал вид, но вид этот был очень грозным, и я поначалу даже всерьёз поверил, что срок за контрабанду валюты у меня уже есть. Трудные переговоры в таможенной «подсобке», переходящие на мат при упоминании некоторых очень важных фамилий (Кисель, Кисель, не пугай, ебал я твоего Киселя!), жалобный рассказ о тяжёлой судьбе товарищей (я, к слову, их пока и в глаза-то не видывал), оставшихся без денег в лапах у Талибана, призывы к гражданской совести (а она у этой алчной твари отсутствует, надо сказать, напрочь), обоюдные поглядывания на часы, до вылета 30, 20, 15... оставленный впопыхах заграничный паспорт, и вот, о, чудо! я, полегчавший только на триста

грин, лечу по коридорам, за тридцать семь секунд покупаю в дююти-фри две литровые бутылки «Чивас-Регал», пять блоков «Винстона» и самым последним вскакиваю в самолёт на Худжанд.

«Я очень добрый, а ты наглый, как и всё ваше херово племя, – сказал на прощание таможенник. – Но чурки тебя, парень, обязательно выпотрошат. Если не в Худжанде, то в Душанбе обязательно. Береги себя, много там шайтанов, с нежностью обо мне вспомнишь». Ага, «счастливого полёта»! Мы с ним договорились всего на один процент от суммы, хотя он просил пять! Успех! Но как же эти бляди из бухгалтерии и Гриша не понимают, что деньги так возить нельзя! Что значит, все возят?! Да, кстати, уже в гармошке трапа меня догнали две запыхавшиеся девки в униформе погранвойск и отобрали жестянку фирменного зипповского бензина. Не успели изъять, так быстро я бежал через их рентгеновский ящик и досмотр. Обещали вернуть на обратном пути и даже дали расписку. Извините, не положено, у нас тут борьба с террором. Из-за них я чуть было совсем не опоздал, пришлось тарабанить в дверь самолёта. А может быть, и лучше было бы, если б опоздал?

– Брат, ты один здесь на весь самолёт белый человек, а вокруг все черножопый, так думаешь? Абдулло черножопый? Я тебе говорю точно, брат, полсамолёта моджахеды, ислами-ты, полсамолёта рахмоновские бандиты, а Абдулло не исламит, и не бандит. Я их не боюсь, я тебе всё расскажу, – сосед

почти упёрся носом в моё ухо и стал быстро и громко шептать, шаря взглядом по салону. — Я и мой брат тоже к моджахедам ходил в горы. Дядя мой матери сказал, пусть Абдулло пойдёт в горы Коран изучать, всё равно работы в Ленинабаде нет, исламиты праведный люди, кормят, плохо не делают. Весь лето там бил, автомата стрелял, мины-хуины ставить учили двое, афганцы. Целый день — стреляй — молитвы, стреляй — Коран, араб нас учил по-арабски, мне нравилось, а потом раз ночью пришёл главный, таджик, сказал, надо экзамен сдавать, всех вас, молодых, будем иметь во имя Аллаха, а вы чтобы подчинялись, так угодно Аллаху. В задницу трахать, понимаешь? Смешно тебе? Разве так в Коране сказано, я спросил. Мне поломал таджик челюсть, вот шрам, я еле убежал, скрывался в Москве, а брат остался, не знаю, что с ним. Они все моджахед друг друга, во имя Аллаха, в зад имеют. А у меня девушка свой, познакомлю. Ты, брат, корреспондент, да? Деньги в Афганистан везёшь? Я Домодедово ящика сидел, слушал, как ты с очкастым рулил. Э-э-э, как не страшно? Жизнь там три копейка стоит, убьют тебя, один поедищ. Слуший, брат, я тебе помогу, кое-кто знаю там...

«Твою мать! Псих». Я больно оттолкнул таджика головой и, поставив ему сумку на ноги, выглянул в иллюминатор. «Ох, ты! Какая красота! Тяжёлое, остывшее медное солнце быстро садится, нет, почти падает в бирюзу. Внизу, меж складок бесконечных, до самого горизонта, гор на глазах набухают густые сиренево-чёрные тени, а вершины и хребты,

как бумажные фонари, светятся, будто изнутри, алым огнём. Велики дела твои, Аллах!» Но, блин, недоёбанный сосед в чём-то прав. При всей этой рериховской вечере горы сверху очень похожи на кучи сухого дерьма, правда, исполинские такие кучи. Одна на другой, одна на другой. Ряды, ряды, ряды, и как-то нехорошо от этого на душе! Может быть, просто чужое, может, просто я боюсь туда... Скоро становится совсем темно, слева появляется и явно растёт жёлтый, сморщенный и какой-то зловещий сфинктер Луны, в маленький динамик сверху наигрывает заунывная и тревожная мелодия... Нелепая, дикая мысль сама собой начинает шевелиться в голове. Вот, сейчас выйдет Зейнаб с зелёным шарфиком на шее и объявит: «Уважаемые пассажиры! Пристегните ремни... избавьтесь от колющих и режущих... головы на колени... через пять минут наш самолёт влетит в жопу мира!» Тьфу! Мерзость, детсад... Стюардесса, действительно, вышла, но говорила она что-то непонятное, судя по всему, на фарси.

Под ложечкой неприятно сосёт от того, что я, действительно, лечу в эту таджикско-афганскую «жопу», лечу в страшную неизвестность, вонючую, липкую, и туда не хочу... потому что чувствую, лечу я на погибель, потому, что от «Афганистон» мне наверняка уже не отмазаться... будь неладен, ты, херов бен Ладен, Гриша и вся Шестая Вещательная Корпорация... О-о-о-о! Самолёт и в самом деле с своим начинает вкручиваться во что-то, что явно поплотнее

неба. Мой сосед Абдулло зеленеет, по лицу ручьями стекает пот, он закрыл глаза и страстно шепчет то ли ругательства, то ли молитву... Чтобы как-то отвлечься от пугающих рывков и содроганий лайнера, впервые за три с половиной часа внимательно разглядываю этого странного человека. Ему на вид лет двадцать пять, на удивление – лицо благородное, породистое, одежда вся мятая, но очень качественная, европейская, и пахнет от него не азиатским козлицем, как от всех его соплеменников вокруг, а самым что ни на есть моим «Жак Фат». Может, уже спиздил? Нет, на месте. Мне даже уже кажется, что он куда умнее, чем стремится выглядеть. И что-то ему очень нужно именно от меня. И, уж точно, не ограбить. В самом начале полёта кресло слева было свободным, очевидно, он подсел, когда я спал. Спрятаться за меня думает, что ли? Или что-нибудь перенести. Очень странный тип. Таджик, подтверждая мои предположения, неожиданно, дрожа как в лихорадке, обратился ко мне на хорошем русском, почти без акцента. Нет, он просто взмолился, глядя в глаза и больно вцепившись мне в руку:

– Слушай, корреспондент, деньги везёшь, тебя же будут встречать на поле, скажи, что я твой переводчик, что ты меня нанял в Москве. Я в ящике был, в Домодедове перепутали, не на тот рейс погрузили. Помоги! Невесту хочу увезти отсюда. Её убьют, меня убьют. Скажи, скажи, кто, кто тебя встречает? Кого там знаешь?

– Абдусалома.

При упоминании этого имени парень отшатывается от меня. И, сложившись пополам, как от сильного удара в живот, замолкает до самой посадки. Связи, как я и думал, нет, телефон пишет: «Ошибка! Ошибка! Ошибка!». Почти сорок минут не подают трап. Сосед, очнувшись, что-то пишет на обрывке бумаги и незаметно вкладывает его мне в руку. «Записка, телефон с обратной стороны. Спрячь. Прошу, доедешь в Душанбе, слева направо набери и расскажи, что видел. Записку передай. Пожалуйста, прошу». Я последним иду к выходу, он сидит один в уже пустом салоне и отрешённо смотрит в иллюминатор.

У трапа – из темноты – кривые рожи стражников. Их много, и они тут же, с гиканьем, почти как баранов, дубинками начинают гнать толпу пассажиров к тёмному зданию порта. До него с километр, и там лают собаки. На бегу я пытаюсь объяснить кому-то из погонщиков, что мне нужен Абдусалом. Е-е-е? Абдусалом! Е-е-е? С третьей попытки мне разрешают остановиться. И, пока стражник вопит что-то в рацию, которая отвечает ему страшным треском, я, отдышавшись, закуриваю, оборачиваюсь назад и вижу, как на ярко освещённом пятаке у переднего колеса самолёта люди в камуфляже с автоматами запинывают и забивают прикладами какого-то гражданского, а он истошно кричит, причём на русском, что-то про невесту и Аллаха. Отсюда уже не слышно, что именно, ясно, что для меня. Прощай, Абдулло! Хрен его знает, кто ты такой, но спасибо тебе за предупреждение, зад-

ницу свою постараюсь беречь. Теперь-то я точно знаю, куда я попал! Я в Азии!

2. Абдусалом

Абдусалом восседал, а вокруг кипел шмон. Стражники, раздавая пинки и зуботычины пассажирам, с грохотом вываливали на длинные столы содержимое их больших клетчатых баулов и, с криками, подолгу в нём рылись. Искали непонятно что, но, судя по стонам и причитаниям жертв, находили заныканные деньги и тут же их изымали. Нет, у Абдусалома не было трона, он статно восседал на одном из старых аэрофлотовских диванов, что были выставлены полукругом посреди огромного плохо освещённого главного зала аэропорта, лицом к происходящему. Я сразу понял, что именно этот сорокалетний подтянутый красавец-перс в переливающимся тёмно-синем костюме и хорошем итальянском галстуке, с орлиным профилем, полуопущенными веками и снисходительной золотой полуулыбкой и есть нужный мне начальник худжандской таможни Абдусалом. Он был здесь главный. По обе стороны от него, расставив ноги и заложив руки за спину, стояли два седых круглолицых помощника-таджика в толстых серых спецназовских бушлатах с капюшонами. Без погон, но у каждого на лбу написано: «Сделано в КГБ СССР. Капитан». Время от времени некий согнутый прихлебало выпрыгивал откуда-то из-под началь-

ственного дивана и наливал Абдусалому треть пиалы чаю из пузатого фарфорового чайника, стоявшего подле на низеньком дастарханчике. Величественный начальник таможни отпивал глоток с закрытыми глазами и молча совершал едва уловимое движение каким-нибудь одним из своих, сплошь униженных перстнями, пальцев рук. Каждое из этих движений имело свой особый, чёткий смысл. И от того, какой рукой и каким пальцем двигал Абдусалом, зависело, в какой части зала и у какого таможенного стола шум и вопли усилятся. По такой же распальцовке стражники выделяли неких людей из толпы ждущих «досмотра» пассажиров и подводили их к Абдусалому. С иными он и оба его помощника даже расшаркивались по-восточному и дружески обнимались, но почти все из этих избежавших шмона «избранных», перед тем как выйти за стеклянные двери на волю, заискивающе улыбаясь, выкладывали на столик перед Абдусаломом какие-то вытянутые картонные коробочки. Уже потом я с удивлением обнаружил, что это были куклы «Барби», не меньше десятка. Ждать пришлось минут двадцать. Два цепких рябых азиатских мента в форме, непонятной народности (скорее узбеки или вообще киргизы, чем таджики), держали под локти меня, а третий, в гражданском, – мою сумку. Им очень хотелось врезать мне по почкам – я закурил на лётном поле, отказался отдать им паспорт, кроме того, они уже наверняка знали, что лежит в сумке. И только слово «Абдусалом», которое я, как заклинание, повторял ежеминутно, удерживало

их от немедленной расправы.

3. Дятел

Меня подвели к нему по мановению указательного перста с большим квадратным рубином. Абдусалом внимательно изучил моё редакционное удостоверение, сверил фото с оригиналом и, жёстко глядя в глаза, спросил:

– Виктор знаешь?

– Дятликович? Конечно, мой друг, ТВ-шош.

– Гость! – Пальцы щёлкнули, и стражники, бережно опустив мою сумку на диван рядом со мной, растворились в воздухе, прихлебало немедленно налил мне чаю и выдал сникерс.

– Как он, Виктор?

– Передаёт привет вам лично.

– Мне? – Глаза Абдусалома потеплели. – Где он, в Душанбе?

– Нет, уже в Афганистане, в Пандшере.

Абдусалом горько покачал головой. Опасаюсь, мол, за него! Показал жестом, жди! И тут же забыл про меня на два часа, у него был самый сенокос. В самый разгар процесса он даже сам лично убегал куда-то пару раз. Помощники Абдусалома, пограничник и «особист», оказавшиеся, как я и предполагал, бывшими советскими гэбэшными капитанами, в его отсутствие вели со мной хитрую и напряжённую во-

сточную беседу, выпытывая у меня всякие детали моей жизни, маскируя вопросы рассказами про своих родственников, что торгуют в Москве урюком, и «навяливанием» их телефонов. Выяснилось, что они не смотрят наш «Шош-ТВ». Но при этом, к моему изумлению, они, без остановки, страстно и безмерно восхваляли личные человеческие качества моего «друга» и корреспондента Дятликовича и его съёмочной группы, осчастлививших Худжанд неделю назад, пролётом в Душанбе всего на несколько часов. После очередного витка разговор опять свёлся к лучшему и честнейшему из журналистов, Виктору, и, хотя Дятла я никогда не видел и лишь раз говорил с ним по телефону, я поддакивал и расписывал его невероятный талант, как мог. Меня изрядно потряхивало после всего услышанного и увиденного в самолёте, на лётном поле и уже здесь, внутри порта, пока меня вели к Абдусалому, а говоря о Дятликовиче, который успешно сумел отсюда выбраться, я несколько успокаивался, у меня тоже появлялся шанс. Дятел попал сюда так же случайно, как и я, просто не было билетов на прямой рейс, причём в отличие от меня, он не подозревал о существовании Абдусалома. И я не знаю, что нужно было сделать, что нужно было сказать всем этим людям, чтобы они не убили его на месте, более того, прониклись таким уважением. Правда, всего через несколько дней я и многие другие станем свидетелями тому, как с радостным криком «Дятликович! Дятликович! Дятлико-о-о-ви-и-и-и-ч!», как по команде, в секунду, будут пустеть

многолюдные улицы и умолкать шумные базары чуть ли не всех среднеазиатских городов, ну, по крайней мере тех, где показывал «Шош-ТВ», и сотни тысяч человек, от младенцев до старцев, восторженно замирая у телевизоров, будут жадно ловить каждое русское слово этого худого и лохматого двухметрового белорусского парня с горящими глазами, серьгой в ухе и клетчатым моджахедским платком на шее. А он, обдолбанный крепчайшим чарсом Дятел, Заратуштрой на фоне походных костров из самой глубины чёрной афганской ночи будет вещать им о высоком боевом духе моджахедов Северного альянса племён, о бессмертных героях Масуда, о мире, что там, в Афганистане, покоится на рогах большой чёрной коровы, о скором наступлении, одно и то же, по семь раз за неделю. Но этим, в основном ни бельмеса не понимающим по-русски, людям было, скорее всего, всё равно, что он говорит, они любовались им и любили его, как Гагарина. И эта ничем не объяснимая любовь была загадочной и невероятной. Это был его личный феномен, светлый феномен Дятла. Но об этом я пока не знал, потому что этого ещё не произошло, но я уже всей душой любил незнакомого мне Витю просто за то, что он, сам не ведая о том, спас мои диабетические почки от неминуемых и немедленных люлей и тем самым, наверное, спас мне жизнь, неделю назад обаяв в городе Худжанд важного человека по имени Абдусалом и его нукеров. И Витя же назвал мне по телефону его имя: Абдусалом тебя встретит!

4. Город Худжанд

– Всё! – три раза хлопнул в ладоши Абдусалом, когда последний пассажир с вывернутыми карманами покинул зал аэропорта. Он выбрал из кучи Барби одну, самую пёструю, и сам быстро зашагал на улицу в ночь. Его свита двинулась за ним, увлекая за собой и меня. Седой особист с чёрными крашеными усами на ходу стал запоздало и лживо объяснять мне, что происходило в здании порта в последние три часа.

– Понимаешь, кто летит? У кого деньги есть. У кого деньги есть? Кто барыга, наркотики возит. Не все, нет. Колхозник, кто на стройке в Москве за сто-двести баксов ишачит или мусор убирает, разве он на самолёте полетит? Иногда летит, не спорю, на похороны, на праздник, но таких сразу видно. Мы их и не трогаем даже. А барыга никогда честно не напишет, сколько баксов везёт, его же потом спросят, где такие деньги в России таджикам платят, а? Вот он и прячет, как может, а мы находим. Они, знаешь, хитрые, всё уже в цене забито, и наш обыск забит... Ты вот, корреспондент, знаешь, что за незадекларированную валюту срок полагается? Испугался, да? Баксы везёшь? Не бойся, ты гость Абдусалома, Витин друг, у тебя почти дипломатическая неприкосновенность, брат!

Вокруг все добродушно посмеиваются, дружески похлопывают меня по плечам, а пограничник-гэбэшник лукаво

поглаживает мою чёрную сумку. Очень плохая шутка. Но я пленник. Мне не дали позвонить в Москву. Э-э-э, брат, ушёл спать телеграфист. Не дали сходить в туалет. Э-э-э, извини, не работает, брат. В любой момент эти люди, если захотят, могут прирезать, пристрелить или посадить меня в зиндан, а потом, если что, все в один голос скажут: «Ни знаим. Ущёл». Остаётся только, также напоказ, хитро посмеиваться над их азиатскими подъёбками и не отставать от Абдусалома.

– Он, наверное, думает, что мы тут, как пираты, самолёты грабим. Статью придумал, пока сидел, да?

– Я статьи не пишу, на телевидении работаю, а про вашу таможеню один человек целую книгу сочинил, поэму, не верите?

– Давно написал? Кто такой?

– Давно. Ходжа Насреддин.

Абдусалом резким жестом прерывает хохот. Моя сумка летит в багажник новенькой чёрной BMW вслед за безжалостно брошенной туда куклой. И через семь секунд мы уже летим с космической скоростью по тёмным бездыханным улицам Ленинабада. За рулём сам Абдусалом. Помимо меня в машине два знакомых «капитана». Они больше не смеются, пограничник озабоченно разговаривает с кем-то по абдусаломовскому мобильному телефону и, судя по интонации, отдаёт какие-то распоряжения.

– У нас тут беспокойно. Своя война, тайная. Узбекско-таджикская. Опять Худайбердыев прорвался в горах, слышал

про такого? Узбеки денег подкинули, он и полез, собака бешеная. Танки у него даже есть, артиллерия. Ваша двести первая дивизия его, шайтана, держит, а то бы всё, кабздец нам здесь бы пришёл. Народ гнилой, весь перемешанный, не поймёшь, кто узбек, кто таджик. Останешься, завтра покажем. У нас и камера есть, бетакам, своя, и оператор. Никто про эту войну не пишет, не говорит, на словах дружба с Каримовым, а на деле хуже, чем за Пянджем. Он нам Худайбердыева, а мы ему моджахедов с гор пропускаем, чтобы они в Фергане джихад делали. Там, в Афгане, тоже всё из-за нашей войны так. Такой репортаж можно снять. Во!

– Не могу, Витина группа в Душанбе сидит без корреспондента, он же уехал.

– Да. Вы, журналисты, как военные, народ подневольный. Витя то же самое говорил. Мы ему – оставайся, поработай, водки попей, а он – не могу, приказ, Масуд, Нью-Йорк, бен Ладен, надо лететь. Здесь был бы порядок – ни Нью-Йорк, ни Масуда бы не взорвали. Подумай! В Душанбе мы тебя всегда отправим.

Мне казалось, что мы петляем среди этих безжизненных серых глиняных дувалов уже, как минимум, часа два, хотя часы показывали, что прошло всего пятнадцать минут. Один раз фары выхватили на мгновение из густой темноты старика на ишаке, и больше ни одной живой души. Иногда Абдусалом вдруг останавливался у каких-то строений и пропадал ненадолго во мраке. Я прислушивался к ночи, звенели неви-

димые цикады, далеко выла одинокая собака, и где-то уже совсем-совсем далеко, может быть, в горах, что-то бухало, с интервалом в пять-десять секунд. Наверное, Худайбердыев. Мои спутники тоже внимательно слушали темноту. В одну из таких пауз усатый особист, сидевший вместе со мной на заднем сиденье и, как Абдусалом, молчавший всю дорогу, неожиданно сообщил мне, что Абдусалом родственник президента Рахмонова. «Он – как это по-русски? Сестрёб, зять, женат на рахмоновской сестре. Вот ему и отдали аэропорт. Хороший мужик. Справедливый. Бывший наш командир».

5. Джинны и шайтаны

В конце концов ещё через пятнадцать минут Хороший и Справедливый резко затормозил у ярко освещённой, обитой красной клеёнкой изнутри, летней чайханы, едва не протаранив её своим BMW. Стол ждал и ломился, чайханщики беспрестанно кланялись, как китайские болванчики, а на маленькую сцену в углу при нашем появлении выскочил зашпанный толстый певец и немедленно, ещё не разлепив глаз, очень громко и с надрывом, затянул, под собственный аккомпанемент на незатейливом синтезаторе, какую-то пронзительную и подвижную таджикскую песню. Он орал и играл так громко, что я сразу оглох, ничего не слышал из того, что говорят мне мои спутники, и только кивал на каждое их слово. Это очень забавляло капитанов, и они, без пауз, с двух

сторон, подливали и подливали мне водки и буквально записывали в рот большие, жирные и пахучие куски только что изжаренной на углях изумительно нежной баранины. Причём они пили по чуть-чуть из одного графинчика, а меня заставляли в хорошем темпе, по полстакана зараз, из другого. Абдусалом водку не пил, мяса не ел, он довольно улыбался, глядя куда-то через меня, и, характерно по-азиатски покачивая головой, энергично отстукивал костяшками указательных пальцев по цветастой клеёнке быстрый ритм этой кошмарной полночной музыки. Водка была дрянная, или с какой-то дрянью, и я, несмотря на обилие еды, быстро и тяжело пьянел, но опьянение принесло с собой некоторое избавление от внутренней тревожной дрожи в груди, которую я, как мог, мысленно подавлял и скрывал несколько последних часов, притупило гадкое тошнотное ощущение разрастающейся опасности, всё поплыло перед глазами, и в какой-то момент мне стала вдруг нравиться вся эта ситуация, эти смешные странные люди, что, действительно, напоминали стражников и вельмож из читанных в детстве книг о Насреддине. Я даже сам как-то почувствовал себя отчасти тем самым книжным Ходжой, которого Аллах зачем-то с торбой за плечами занёс сюда на ишаке. Ничего не изменилось здесь, в Средней Азии, за прошедшие пятьсот лет! Ничего! Мне вдруг страшно захотелось сказать им что-нибудь такое дерзкое, насмешливое и очень рискованное. Озадачить их, пусть думают. Зачем? А просто так. Я ведь давно уже понял по быстрым ко-

сым взглядам, по интонации жёстких коротких фраз, которыми они иногда перебрасывались, что Абдусалом и его помощники что-то решают обо мне между собой, чего-то выведать хотят от меня, и даже догадывался, чего именно, просто не знают пока, как начать, и поят меня дрянью, чтобы я стал поразговорчивей. Ну, а может быть, я просто параноик и плохо думаю о гостеприимных радушных людях? Может, у них просто задание охранять меня, «иностранного» московского журналиста? Тогда тем более надо дать им понять, что я не лыком шит, хоть и вынужден был напиться их «палёной» огненной воды. К этому времени певец удалился промочить горло после трёх или четырёх истошных песен, а усатый особист, смеясь, описывал мне устройство здешней вселенной.

– Ошибаешься, корреспондент, не везде люди одинаковые, у нас тут есть и совсем не люди. Шайтаны и джинны, слышал про таких? Вот шайтаны. Они очень на людей похожи, живут среди них, притворяются, но на самом деле совсем другие, хитрые, мерзкие твари, только и думают, как человека подставить и погубить. Вот узбеки – каждый третий шайтан. За Пянджем – все шайтаны. Со многими ещё повидаешься. Хочешь, научу, как распознать? По ноздре, одна у них ноздря. И по пороссячему хрену, скрученный весь, как штопор. Что смеёшься, не веришь? А-ха-ха-ха! Скажи ему, Абдусалом! А с джином, вообще, лучше тебе не встречаться!

– У меня есть один знакомый джинн, молодой, в картонном ящике по воздуху летает, люди его ногами бьют, зовут Абдулло.

Зря я это сказал. Рожи у всех троих сразу вытянулись, стали серьёзными, злыми. Уставились на меня. Абдусалом вообще своими пустыми чёрными глазищами дырку мне во лбу высверлил, аж запекло. Молчим минуты три. Даже пышногрудая русская официантка с пергидрольным коком, что всё время крутила задницей перед носом Абдусалома, гордость заведения, резко свинтила, почуяв неладное. А может, кто и махнул ей незаметно. Первым заговорил капитан-пограничник.

– Хорошо, корреспондент, что ты сам начал, соображаешь. А то мы уже сами хотели тебя, по-свойски, по дружбе порасспрашивать. Мы, конечно, сами Вите предложили, чтобы все ваши через Худжанд, а не напрямую в Душанбе, летали, так и вам, и нам, и всем лучше, но Витя ведь о тебе не предупредил, не позвонил. Телефон Абдусалома у него есть. А ты в очень опасную историю с этим своим джинном вляпался. Расскажи нам, что знаешь, отдай, что у тебя есть, и забудь про него.

Я стал было говорить, что вообще ничего не знаю. Что этот Абдулло мне ничего, кроме как про моджахедов-пидоров и про то, как сидел в ящике в Домодедове, не сказал, я подумал, что он просто сумасшедший, потом увидел, как его колотят, а сейчас вспомнил. Но Абдусалом прервал меня и

обратился к усатому особисту:

– Расскажи ему про самолёт, пусть понимает, что мы ему зла не хотим. И так каждая собака уже про это знает.

Усатый вопросительно и долго смотрел на Абдусалома. А потом, придвинувшись ко мне, стал негромко рассказывать про самолёт. Абдусалом и пограничник тоже перегнулись через стол, и мы вчетвером почти сошлись лбами над остывающими шашлыками и кабобами.

– Месяц назад к нам на дозаправку сел ваш российский пассажирский рейс из Душанбе. Не слышал такую историю? Ещё до посадки мне из Душанбе позвонил мой начальник, генерал, и сказал, что на борту тонна! Представляешь, сколько это! Тонна самого лучшего афганского героина, четыре девятки! Я про такой первый раз слышал. Чище нет. С героинном летит человек, на таком-то месте сидит. Без оружия. Приказ – надо брать. В Душанбе не стали, шума испугались. Самолёт ведь ваш, российский. Мы быстро посоветовались, самых верных людей взяли и пошли. В салон вошли, а этот, твой друг, джинн, уже успел спутниковый телефон настроить, кому-то позвонил и нас спрашивает: «Кто главный?» Я ему говорю, мол, сейчас узнаешь, собака, кто главный. А он мне трубку протягивает: «На, поговори!» Из трубки тот же самый мой генерал, что приказ отдавал, меня по имени называет и приказывает: «Подождите!» Как подождите, наши люди героин уже в багажном отделении нашли! Тут Абдусалому звонит и его генерал, и тоже приказывает: «Ждать! Не

трогать». Сидим, ждём, пассажиры волнуются, мы нервничаем, а он смеётся над нами, колхозники, говорит, не знаете, с кем связались, в жопу меня ещё поцелуете. Нет, говорю, щенок, не дождёшься. Четыре часа они там наверху рулили, наверное, до вашего Путина дошли. Смотрим, рядом вертолёт опускается, наши, ваши генералы, русские, в штатском в очках люди. Руками машут, кричат, не слышно что. Тот генерал, что мне звонил, в самолёт залез, чёрный, трясётся весь от злости. Приказ, говорит, Рахмонова: «Отпустить самолёт! Головы поснимаю, если тронете кого!», и улетел вместе со всеми. Гадёныш этот, Абдулло, когда мы собрались выходить, мне прямо в рожу плюнул, а Абдусалома взял за галстук и к заднице своей приложил. Оттрахал бы, кричит, да некогда. Мы хотели его всё-таки пристрелить, не стали мараться, так ушли.

Я двадцать пять лет служу, даже когда гражданская война была, такого позора никогда не видел. Рейс улетел, мы бешеные. Так унизили при подчинённых, при пассажирах. Там ещё корреспонденты были немцы, из Москвы один, газетчик. Немцы ничего не поняли, а московский – всё выпрашивал, почему не летим, почему не летим. Не читал ничего? Я давай сразу звонить корешкам-особистам в Домодедово, так и так говорю, у вас порядка больше, берите от нас подарок, только щенку этому, прошу, хлебало как следует набейте и привет от нас передайте.

Вечером звонят – куда там, говорят. На поле с мигалка-

ми встречали, нас близко не подпустили. Абдусалом позвонил родственнику своему при нас. Ругается. Тот ему говорит, ничего сделать было нельзя, а наглеца этого я тебе найду, и делай с ним, что хочешь. И вот сегодня позвонили мне, не знаю, кто, и говорят, принимайте посылку, ваш лягушонка летит в коробчонке № такой-то, из-под стиральной машины, запакована хорошо. Думает, что летит в Душанбе. Как он в салон вылез, не знаю! Ты ему не помог, случайно?

– Я спал всю дорогу. Какие-то сказки поёте, взрослые мужчины, бред, чушь полная.

– Нет, брат, не сказки. Не понимаешь, куда попал, что ли? В жопу ты попал! Здесь всё так. Так Масуд твоему Путину за пушки платит! Героином, понял! А вояки ваши возят на своих транспортах. Сначала в Москву идёт, потом в Европу. Знаешь, сколько героин за Пянджем стоит? Шестьсот долларов килограмм. А в Москве пятьдесят тысяч! А в Амстердаме сколько? Те танки, что сюда гонят, – дерьмо, хлам, «Т-55», шестьдесят третий год выпуска, сам видел, снаряды – два из трёх не взрываются, вертолёты без приборов, старьё, а засчитывают, как новые. На вес чистого золота выходит! А Масуду куда деваться, его талибы к самой речке прижали, пять километров полоска. Этот самолёт случайный был, у вояк транспорт сломался, вот и погрузили на гражданский, так спешили. Твой этот Абдулло – он никто, гондон одноразовый, он тебе правду сказал, у них даже баб нет, друг друга в зад пользуют. Он должен был только позвонить и всё, и

молчать. А он то ли псих, то ли под кайфом был. Ты из-за него пропасть хочешь? Жизнь сломать? Ладно, давай, что он тебе дал, ты последний его видел в самолёте.

Я откидываюсь на спинку стула, долго шарю в кармане и достаю скомканную бумажку. Разворачиваю и разглаживаю её пальцами на столе. Бумажка круглая и девственно пустая с обеих сторон. Ни одной буквы. Белая метка. Трое тупо глядят, как я медленно несколько раз переворачиваю перед их носами этот маленький неровный кружочек бумаги в клеточку. «Мне конец». Музыка! Вместо музыки вспышка, дикая боль в затылке, и всё вокруг быстро погружается во мрак...

6. Сады Аллаха

Просыпаюсь от страшного грохота, надо мной, высоко, метрах в пяти потолок, бледно-зеленый свод с кругами арабской лепнины. Где я, в мечети? Нет, судя по всему, это огромный будуар, и я утопаю в перине посреди невероятных размеров квадратной кровати. В большие окна бьёт ослепительный солнечный свет, и там же находится источник этого ужасного шума. Встаю со второй попытки – и тут же спотыкаюсь обо что-то большое. Это моя сумка! В окне то появляется, то исчезает чья-то голова. Длинная палка сильно и часто колотит по стеклу. Как не разбивается!

– Корреспондент, на самолёт опаздываешь Душанбэ, – истошно вопит голова, – Это я, Абдулло, шофёр Абдусаломы,

вставай, блят, сорок минут осталось. Семь двадцать. Шесть обещал. Восем летиш.

На полдороге к окнам вдруг понимаю, что я – в чём мать родила, а вся одежда разбросана на полу вокруг кровати. Долго ищу штаны. Добегаю до окон – и впадаю в столбняк от увиденного. Мама дорогая! Я у Аллаха в раю! Я парю над уходящим до горизонта садом из роз. Над горизонтом – ломаная серая линия, горы. Отовсюду меж громадных розовых кустов бьют в слепящее лазурью небо, играя с утренним солнцем и распространяя вокруг сотни радуг, снопы бесчисленных фонтанов. А вдоль этой чудесной аллеи стоят белые мраморные здания, и каждое – маленький Тадж-Махал. И в одном из них я! Большие белые птицы пролетают мимо окон. Снизу к стене моего дворца приставлена короткая лестница, и какой-то человек, едва удерживая равновесие на последней ступени при помощи палки, которой только что колотил в стекло, зло машет мне кулаком. В дверь, что в соседнем зале, тоже тарабанят, она закрыта изнутри на ключ. Я высовываю голову, и страшная щекастая гурия, в ядовитом, блестящем балахоне, такой же тубетейке и с двумя чёрными жирными сардельками над ушами, на корявом русском сообщает мне, что стучат уже час, и что такой уважаемый человек, как Абдусалом, ждал долго, пока разбудят, потом плюнул и уехал в порт. Стыдит. У меня есть пять минут на всё. Машина ждёт. О ужас, не может быть, чтобы я с этой?! От одной мысли – дикий спазм в паху. Нет, скорее всего, нет – слишком камен-

ная у неё рожа. Я ничего не помню, ничего не соображаю, в горле стоит водка и болит затылок. Деньги в сумке. Всё.

7. Горы

«Уазик» летит над пыльной землёй, на переднем сиденье, рядом с шофёром, сидит подозрительно знакомый седой таджик с чёрными подкрашенными усами. Заметно, что ему так же плохо, как и мне, и он стонет и крикает на каждой кочке.

— Вот напились вчера, даже домой не смог доехать, пришлось здесь, в абдусаломовском раю, ночевать, это для Рахмонова строили, а он не ездит сюда, вот мы тут гостей и принимаем. Ты сам-то как, корреспондент? Помнишь хоть что-нибудь?

Я честно признаюсь, что смутно, затылок вот болит почему-то. Оказывается, я упал вчера вместе со стулом на спину в какой-то чайхане.

— Как вы столько пьёте, журналисты?

— Я дома вообще почти не пью...

Абдусалом, улыбаясь, встретил нас в свежей белой рубашке, без галстука, без пиджака, без перстней. Приснилось, что ли? Выглядел он прекрасно.

— Давай-давай, корреспондент, деньги дай на билет. Российские, две двести. Телефон Москву, там кабинка в углу. Эй, ты, помоги ему!

Быстро пьём сладкий кофе, сидя на выставленных полукругом посреди большого светлого зала протёртых аэропортовских диванах. Я постеснялся прилюдно поставить себе укол инсулина, и меня дико мутит. Всё, пора. Абдусалом крепко жмёт мне руку, Виктору привет! Я достаю из сумки красивую коробку с «Чивас», обойдутся и одной в Душанбе, вам, Абдусалом, от нас с Витей, за всё. Хороший виски, подарок. Прощайте!

Усатый ведёт меня к самолёту марки «Ан-24». Я, не удержавшись, спрашиваю напоследок, были ли куклы.

— У дочки его сегодня день рождения, всех знакомых просил, боялся, не привезут. Привезли десять. Он, вообще, Хороший мужик, Справедливый. Только по-русски плохо вот понимает и не говорит почти. В кишлаке вырос...

Старый самолёт с надсадным рёвом отрывается от земли. Он, как лягушка, подпрыгивает в небе. Выше. Выше. Выше. Смотрю вниз. Горы сверху так похожи на исполинские кучи высохшего дерьма, одна на другой, одна на другой, ряды, ряды, ряды... Сколько ещё я увижу их на этой войне, у каждого окопа, у каждого блиндажа. Горы в миниатюре... Абдусалом... Автосалон... Не бойтесь пробок! Автосалон на Войковской открыт всегда! Авторадио!.. Может быть, я всё-таки в Москве? Заснул пьяный в такси? Нет, ни хера!

Александр Орлов, декабрь 2002

Пейзаж, нарисованный чаем

Я понимаю, почему американцы бомбили именно Югославию. Всякие там рассуждения о геополитическом положении Балкан и косовской наркомафии с её проблемами – это для яйцеголовых. Всё проще: стоит лишь оказаться в Белграде, имея опыт пребывания в Нью-Йорке, и всё становится на свои места. Манхэттен – царство гармонии, всё разбито на секторы: здесь люди работают, здесь учатся в университетах, тут отдыхают, там еду покупают – рай для топографического кретина. Белград – один сплошной хаос. Поживёшь там пару дней, и кажется, что причина войны в Югославии именно в том, что американцы с их страстью к порядку этого хаоса и не смогли снести, интуитивно почувствовав силу такой альтернативной системы жизни.

Белградский хаос во всём. Перекрёстки здесь пятиугольные. Дороги расходятся в разных – не только направлениях – плоскостях – вверх и вниз. Даже у здания местного КГБ полный бардак – от полуразрушенного здания расходятся семь дорог и множество взаимоисключающих дорожных знаков. Почему семь? Куда они ведут, куда двигаться? Что они имели в виду? Понятно также, почему американские бомбы всё время не туда падали. На маленьком пяточке расположены рядом крохотная русская церковь, большой православный белградский храм в византийском стиле, телецентр, детский

театр и жилые дома. Одно на другое наползает, что-то над чем-то нависает, какие-то тайные лазы и проходы вокруг, и непосвященному человеку непонятно, куда именно надо идти, чтобы попасть в нужное место.

При этом страха нет. Этот хаос – он какой-то с человеческим лицом, позитивный. Бродить там приятно.

Руины со времён бомбёжек в целостности и сохранности. От китайского посольства до разрушенного югославского ретранслятора. Сами белградцы шутят, что непонятно, где здания, пострадавшие от бомбёжек, а где дома, которые при Милошевиче были доведены до такого состояния полным отсутствием капремонта. Свои развалины и военные памятные места белградцы холят и лелеют (а может, нет денег на отстрой). Самое большое впечатление производит тот самый разрушенный ретранслятор. Его, центр югославской связи, разбомбили в самом начале налётов. И мост, на котором во время ночных бомбежек жители города выстраивались с мишенями на спинах, пытаясь остановить натовские самолёты.

Ещё одно памятное военное место – белградский частный зоопарк. Директором там – человек с говорящей фамилией Боевич, близкий приятель Эмира Кустурицы. Вук Боевич во время бомбёжек поставил на уши весь город. В газетах писали о том, что происходит в зоопарке. Как животные собачьих и кошачьих пород ощущали приближение самолётов и в ужасе метались по своим небольшим вольерам, заранее предчувствуя бомбёжки. Как тигрёнок по кличке Принц от-

грыз себе пальцы на задних лапах – так на него действовали разрывающиеся в городе снаряды. Власти не могли кормить животных, не хватало денег. Вук Боевич тогда заявил, что ещё немного, и он самолично перестреляет всех зверей – не в город же их выпускать – и отправится убивать янки.

Но еды хватило, а там и война кончилась. Сегодня Вук Боевич по-прежнему директор своего зоопарка. В его заведении многие мелкие звери и птицы гуляют по дорожкам рядом с людьми, павлины спят на лавочках так, что человеку сесть негде. А спихивать дремлющих птичек как-то неудобно. Каждый посетитель может зайти к директору и выпить с ним. Он очень гостеприимный. Днем он обедает с друзьями прямо в зоопарковском дворике на возвышении, откуда видно всё его хозяйство. Этот пожилой бородач в куртке, подозрительно напоминающей что-то военно-американское, сегодня вспоминает войну полушутя, хоть и по-прежнему клянет американцев. Рассказывает о том, что один из проходов в зоопарке он назвал Лазом Моники Левински. Потому что похоже (!) И вообще, Монике он благодарен за то, что она, как могла, снимала лишнее напряжение у американского президента. Другую зоопарковскую улочку он называл Сквером македонских официантов. Бравые служители кафе и ресторанов Македонии как-то объединились и отколошматили нетрезвых американских миротворцев за слишком уж развязное поведение. В его зоопарке до сих пор живёт беспалый тигр Принц, уже подросший, но до сих пор

по ночам нервничающий от перенесённых в детстве переживаний. Живёт ещё один любопытный персонаж – слониха-убийца Твигги. Слониха раньше жила в Амстердамском зоопарке, как-то затоптала там местного охранника, и её хотели пристрелить. Боевич пожалел преступницу и выкупил её в свой зоопарк. Теперь она разгуливает на маленьком острове, ограду которого при желании может перешагнуть, но ведёт себя спокойно. Вук говорит, что она убийца, но не рецидивистка. Она, кстати, вполне нормально переносила бомбардировки. А в ближайшее время Боевич собирается обратиться с иском против НАТО в Гаагский трибунал. Живет у них в зоопарке зебра. Когда-то она, вернее, он, был лучшим осеменителем в своей породе в Югославии. Но во время бомбёжек у него случились проблемы сексуального характера, и с тех пор у зебры не стоит. Боевич вполне резонно замечает, что в отсутствии эрекции у зебры виноват Северо-Атлантический альянс, и хочет потребовать сатисфакции за оскорбленное мужское достоинство бывшего осеменителя, а ныне позорного импотента.

Хаос распространяется и на грустные аспекты человеческой жизни. А именно – на кладбища. Коих в Белграде много и густо. Например, кладбище с могилами югославских и советских воинов, погибших во время Второй мировой. Почему-то оформленное, как протестантское – без участков, с простыми однотипными могильными плитами. Здесь гуляют дети, прямо на могилках спокойно выпивают мужчины

средних лет и наслаждаются летним шелестом листвы животные. Есть кладбища типа нашего Ваганькова с модными могилами, кучей часовен и огромной территорией. На одном из таких похоронен Аркан. Его надгробие начищено до зеркального блеска, и мирные белградцы из аполитичных в эту часть кладбища не заходят. Я сфотографировала его могилу, остановилась переупаковать вещи. И тут увидела, как ко мне с трёх сторон несутся чувары (охранники) покойного Желко Ражнатовича. Поняв, что я убежать не собираюсь, они сбавили темпы и подошли ко мне вразвалочку, осознавая важность своей миссии. Спросили, фотографировала ли я. Я с возмущением отвергла даже самую возможность такого кощунственного акта (друзья предупредили меня, что снимать могилу Аркана нельзя, хотя эти фотки есть во всех газетах). «Лучше признайтесь сейчас, чтобы потом не было неприятностей», – ласково улыбнулся мне их вожак. Но мне удалось убедить их, что я, приехавшая из другой страны, просто пожелала почтить память воина. Узнав, что я из России, они сменили гнев на милость и отпустили меня восвояси.

Русских здесь по-прежнему любят. Причём не вообще, как своих собратьев по геополитической ситуации любят в России, а каждого конкретного русского, встречающегося на их пути. Мне о своей любви говорили и таксисты, которые, узнав, что я из Москвы, пытались отказаться от моих денег. И бомж, встреченный мной на холме под Белградом. Бомж оказался университетским профессором, сюда он поднима-

ется каждые выходные, чтобы бороться с повышенным давлением. «Я знаю, у вас проблемы с нацией, но это временно», — сказал он мне.

Не с экономикой — с нацией.

В авоське его болталась бутылка кефира.

Сербы любят нас не как Старшего Брата. Скорее наоборот, относятся к нам покровительственно, но без презрения. У них скоро выборы президента. Будут выбирать между Коштуницей, которого поддерживают местные бандиты, и Джинджичем, которого поддерживают бандиты из России. Даже и не знаю, что лучше. В любом случае, концептуально ничего не изменится. У них нет проблем с нацией, они очень цельные, какие-то настоящие и невероятно красивые. Особенно черногорские мужчины. Говорят, в Черногории нас любят даже больше, чем в Сербии — там вообще происходят какие-то кошмары, особенно если оказаться не в курортной зоне, а где-то в деревнях, там, заслышав русскую речь, путника хватают, ведут в дом, кормят, поят и заставляют петь русские песни.

Кофе я предпочитаю чай. Поэтому в самом модном и известном кафе Белграда «Царь Петр» я купила себе чаю. И мороженое с огромными ягодами ежевики. Когда я продвигалась к своему столику, я заметила продавца значков. Рядом со значками с Караджичем и Милошевичем я увидела бляшку с надписью «Русские, не бойтесь, сербы с вами». По соседству играли на скрипке и гармошке уличные мальчи-

ки-музыканты. Скрипач мне радостно улыбнулся.

Марина Латышева, сентябрь 2002

Как поехать в Ирак на джихад?

Реально ли это и можно ли действительно принять непосредственное участие в антиамериканском джихаде в Ираке? Исходя из своего личного опыта, утверждаю: да, это вполне осуществимо.

Необходимо иметь опыт путешествий и пребывания за границей, «чайникам» просьба не суетиться. Сделать прививки от гепатита (комбинированные, против штаммов А и В), по крайней мере первые два укола по схеме. Обязательно провериться у стоматолога и поставить, если надо, все пломбы.

Подробно проконсультируйтесь у знающих людей и в туристических бюро на предмет таможенных и зарубежных формальностей, надо знать, что представляют собой визы простые, транзитные, многоразовые и т. д. Особое внимание уделить Турции, Сирии и Иордании. Консульство России в Багдаде и его адрес, что оно может и чего не может сделать для вас в случае возникновения проблем.

700 долларов на руках – это абсолютный минимум, лучше взять больше. Возьмите некоторое количество самых мелких купюр на тот случай, если придётся делать небольшие платежи ещё до обмена вами валюты. Чтобы не быть обкраденным, сделайте матерчатый нательный пояс для паспорта и денег, в котором можно было бы даже спать. Возьмите ме-

дикаменты, в том числе таблетки от поноса. Недостающие вещи, одежду и обувь можно приобрести на месте.

Необходимо перед отъездом купить хорошие карты Турции и Ирака, если на месте увидите более подробные, купите и их. Прекрасные карты Турции можно приобрести в любой туристской лавке сразу после приезда в эту страну. Хорошую карту Ирака приобрести сложнее, фактически только в Багдаде можно найти карту, рассчитанную на иностранцев, с названиями, написанными именно латинскими буквами, а не арабским шрифтом. Не исключено, что и её, тоже может быть, легче найти в соседней Турции.

Почитайте серьёзные информационные материалы по Ираку – зона Барзани, зона Талабани, сунниты, шииты, курды, где стоят американцы, где британцы, где поляки, проследите это по карте. Немного истории – жизнь Магомета, борьба за власть после его смерти, его зять Али, Фатима, мученическая смерть их сына Хусейна, основы ислама, мусульманские праздники Рамадан и Байрам. Крестоносцы и Саладдин (родился в Ираке!), Османская империя и её расчленение, оккупация британцами Кувейта, последние десятилетия, перевороты, партия Баас, Компартия, её запрет и репрессии против неё. Знайте, кто есть кто среди нынешних лидеров шиитского духовенства, в русском Интернете есть много информации на этот счёт. С наиболее интересных страниц сделайте копии, чтобы перечитать их на месте.

Купите разговорник арабского языка, его надо день и ночь

непрерывно изучать как в период подготовки перед отъездом, так и на месте. За несколько недель вполне реально выучить какие-то азы, необходимые для бытового общения. Не рассчитывайте особенно на своё знание английского, кроме персонала дорогих отелей и отдельных представителей интеллигенции, его мало кто понимает даже в столице. Поговорите с российскими курдами или арабами, может быть, вы найдёте через них какие-то контакты в Ираке. Если у вас в городе есть мечеть, перед отъездом можете поговорить с муллой.

Обычную связь с Россией можно поддерживать через интернет-кафе (русский текст латинскими буквами). Для организации шифрованной связи возьмите с собой переносный компьютер (ноутбук) с установленной там программой шифрования PGP. С его помощью шифруйте и расшифровывайте файлы, передаваемые через интернет-кафе. Заранее сделайте не менее шести копий первой страницы своего заграничного паспорта, они понадобятся для пересечения границы и для других дел. Кроме того, на всякий случай полезно иметь в Интернете сканированный файл этой же страницы паспорта.

Международная телефонная связь в Ираке уже восстановлена, и в Россию или СНГ можно позвонить без особых проблем. Вероятно, скоро в Ираке будет общедоступна и система мобильной связи.

Полезно по возможности иметь какое-нибудь журналист-

ское удостоверение, чтобы в случае случайного задержания в «горячей точке» (это небольшие города, и иностранец, к сожалению, там слишком заметен) можно было бы правдоподобно объяснить своё присутствие там полиции или американцам. Можно взять и письмо от какой-либо организации, занимающейся правами человека и т. д., это тоже поможет вам рассеять подозрение полиции по поводу странных контактов, которые вы ищете.

Если вы являетесь в России или республике СНГ членом какой-либо радикальной оппозиционной организации, то целесообразно взять с собой свой членский билет и рекомендательное письмо для иракского Сопротивления, на русском. Если в нём действительно будет необходимость, то и переводчик с русского найдётся. Возьмите контактные телефоны в России или СНГ. Не забудьте про необходимость иметь там, на месте, и эту инструкцию по пребыванию и выживанию в Ираке – ту самую, которую вы в данный момент читаете. На границах не трясут, в бумаги никто не лезет.

Побеспокойтесь о физической подготовке, чтобы пребывать в нужной форме. Летом будет невыносимая жара, поэтому я бы не советовал ехать в Ирак раньше начала сентября, к тому времени температура снизится до 40–45 градусов, это уже относительно терпимо. Зимой будет прохладно и дождливо. Туалетной бумаги не будет, учитесь подмываться «по-восточному».

Помните, что успех и достижение целей вашей миссии за-

висит от того, насколько тщательно, вдумчиво и скрупулёзно было проведено следование данной инструкции. Если подготовка будет проведена плохо или «на шару», то можно гарантировать, что на месте вы столкнётесь с множеством неприятных происшествий и трудностей всякого рода.

Как ехать?

Сначала надо добраться до Турции, хотя я знаю людей, которые въезжали в Ирак и через Сирию. Турецкая виза-марка ставится без всяких проблем по прибытии на корабле в эту страну. Для российских граждан виза недавно стала двухмесячной и многоразовой.

Теплоходы, грузопассажирские корабли и паромы на Турцию отходят из Сочи, Новороссийска, Крыма и Одессы, дешёвый билет стоит 45–70 долларов, если его покупать на месте без посредников. В некоторых крупных российских городах через туристские бюро можно узнать расписание и даже купить этот билет заранее, но с наценкой. Затем надо добраться, пересекая всю страну, до приграничного турецкого городка Силопи (Silopi), расположенного между турецким городом Джизре (Cizre) и иракской границей. От Силопи до Ирака всего 15 километров.

Из стамбульского автовокзала до Силопи в 13.00 туда идёт прямой автобус компании «Habus tur», а на пару часов позже компании «Mardin Seyahat», билет стоит порядка 35 дол-

ларов по курсу (допустимо немного поторговаться в офисах компаний по его стоимости и получить скидку), около суток в пути. Возьмите в дорогу что-то поесть, столовые по трассе исключительно дорогие.

Через Трабзон (Trabzon), который связан круглогодичным паромом с Сочи, существенно ближе, но прямые автобусы до Силопи отсутствуют и надо делать пересадку в Дыярбакры (Diyarbakir) или, что ещё ближе и лучше, Мардине (Mardin), однако это не представляет собой проблемы. Вы сразу покупаете автобусный билет до конечного пункта (тоже поторгуйтесь), а по приезде на автовокзал города, где будет пересадка, шофер сразу отведёт вас в офис другой компании, на автобусе которой вы через некоторое время и продолжите путь. Обе компании сами как-то производят между собой взаиморасчёты.

На конечной остановке в Силопи вас встретит масса таксистов, которые, расталкивая друг друга локтями, немедленно предложат свои услуги. Реальная цена, чтобы пересечь границу, составляет 15 долларов по курсу за такси, однако с иностранца могут запросить вдвое больше. Надо жёстко поторговаться и попытаться найти попутчиков – каждый платит свою долю. Отдельные таксисты пытаются объясняться на сербском или английском языках.

Пересечение границы

Турецкий таксист сначала довезёт вас до приграничной зоны. Затем, после того как вы оформите все формальности по выезду с турецкой стороны, он перевезёт вас через границу (мост через реку). Затем он снова подождёт, пока вы исполните формальности уже с иракской стороны, и в конечном итоге высадит вас на приграничной иракской территории, на стоянке уже иракских таксистов. Граница открыта, иракская виза на сегодняшний день не требуется, хотя есть основания полагать, что в ближайшем будущем ситуация может измениться. Местное население свободно перемещается, иногда проезжают даже отдельные западные туристы-авантюристы и транзитники. Идут грузовики и автоцистерны.

На границе большое количество вопросов к вам, как это ни странно, могут задавать с турецкой стороны, тамошние пограничники хорошо говорят на английском. С иракской стороны контроль проводят пограничники от курдской администрации, так как это курдская зона под контролем Барзани.

И тем и другим пограничникам надо говорить, что в Ирак вы едете работать, скажем, на нефтепромыслы или нефтепереработку. Будьте заранее готовы к этому вопросу. Если у вас есть техническое образование и диплом инженера или

техника, возьмите с собой нотариально заверенную копию диплома и английский перевод с него, тоже заверенный. Ещё будучи в России, на хорошей карте экономической географии внимательно ознакомьтесь, где именно и в каких городах находятся предприятия и буровые вышки Ирака, чтобы не произвести на пограничников впечатление лгуна или идиота. Скажете, что в Ираке сейчас работают ваши друзья, что они вам позвонили и сказали: «Приезжай, есть работа!». Имейте в виду, в этой стране на данных объектах «дикарём» работало и, частично, работает и сейчас немало румын и граждан бывшей Югославии.

Помните, что в случае ужесточения пограничного режима с Турцией возможен путь и через Сирию (марку-визу на границе с Турцией сирийские пограничники ставят иностранцам только на главных трассах, наведите справки об этом заранее!) и даже Иорданию. Именно оттуда особенно любят въезжать в Ирак граждане западных государств.

Передвижение и проживание

После того как турецкое такси высадит вас в приграничной иракской зоне, там надо пересесть на местное, иракское такси (дёшево) и добраться до расположенного рядом приграничного иракского городка Zakhu (иногда его пишут на картах как Zakho). Там можно переночевать. А можно прямо на границе взять такси до Мосула (это уже город в амери-

канской зоне оккупации), заплатив непосредственно валютой (12–15 долларов, торгуйтесь). Пусть привезут в самый центр Мосула, к базару, там есть дешёвые гостиницы и много интересного.

Граница между курдской автономией и основной частью Ирака чисто условная, транспорт не останавливают, паспорт и багаж не проверяют.

Обмен валюты в Ираке идёт либо на улице на лотках у менял, либо в обменных пунктах. На территории курдской автономии её можно поменять на местную курдскую валюту, хотя она вам может понадобиться только очень ограниченно. В американской зоне оккупации в ходу иракские динары (один доллар – около 2000 динаров).

Для психологической и языковой «акклиматизации» рекомендую некоторое время, возможно даже несколько недель, пожить на относительно спокойном севере Ирака, в так называемой «курдской автономии» и Мосуле, прежде чем ехать дальше на юг в «горячие точки».

В Ираке ходят такси, микроавтобусы и автобусы. И транспорт, и гостиницы, и питание в Ираке очень дешёвы, значительно дешевле Турции. На Востоке иностранцу надо очень активно торговаться, в том числе и за гостиницы. Избегайте хороших отелей с видом на реку Тигр и со специально назначенными ценами для иностранцев (30–50 долларов за ночь). Ищите маленькие частные гостиницы в центре города, иногда недалеко от базара – обшарпанные, не на видном месте,

часто грязные снаружи, а иногда и внутри. Требуйте, чтобы с вас брали оплату не выше, или ненамного выше, чем с местных жителей, особенно если вы поселяетесь на несколько дней. В противном случае поищите рядом другое аналогичное заведение. При длительном проживании торгуйтесь о скидке. Нормальная цена номера иракской гостиницы составляет от одного до пяти (трёхзвездочный отель в Багдаде для местных коммерсантов) долларов за день. Если селитесь надолго, то поищите возможность уйти из гостиницы и жить у местных жителей на дому, с питанием. Дешевле, удобнее, полезнее. Задавайте побольше вопросов местному населению, вам будут помогать советами.

Предостережения

Если не касаться специфических опасностей, связанных с вашими контактами с Соппротивлением, то не надо преувеличивать риск своего нахождения и передвижения в Ираке. Если вы не являетесь гражданином США, не работаете на оккупантов, не передвигаетесь в вызывающе дорогих джипах, не проживаете в шикарных отелях под охраной американских войск, не одеваетесь подчёркнуто вульгарно и не ведёте себя с вызывающим демонстративным пренебрежением к местным нравам и традициям, то отношение к вам со стороны местного населения будет вполне дружелюбным и риска быть застреленным или похищенным в качестве заложни-

ка практически нет. Никто не станет нападать на вас только из-за того, что вы иностранец. Участники Сопротивления имеют хорошо поставленную разведку, и они знают, против кого нужно, а против кого не нужно предпринимать подобные акции.

При первоначальном знакомстве с местными жителями всегда упоминайте страну, откуда вы приехали, свою национальность и, если посчитаете необходимым, свои политические убеждения. Это окружит вас невидимой, но вполне реальной бронёй, которая прикроет вас от многих потенциальных неприятностей. Вместе с тем разумные меры предосторожности не помешают, местные жители вам подскажут, что нужно или что не нужно делать в Ираке. Однако вас будут в большей степени подстерегать другие, куда более реальные опасности.

Самая реальная смертельная опасность в Ираке – это попасть под колёса автомобиля. Транспортный парк в Ираке огромен, бензин крайне дешёвый, машины хотя и в плохом состоянии, но все на ходу. Напряжённость движения в крупных городах огромная, дорожная полиция практически отсутствует, правила дорожного движения и скорость никто не соблюдает. Багдад – это вообще настоящий ад! Будьте предельно внимательны и исключительно осторожны при переходе улицы, никогда не торопитесь.

Я так подробно останавливался выше на деньгах и ценах в связи с тем, что в Ираке они могут сразить вас куда скорее,

чем американские пулемёты. С какой бы суммой денег вы ни приехали, но если будете «лохами» и станете платить всем, особенно в гостиницах, сколько с вас первоначально запросят, то через несколько дней вы «останетесь без штанов».

Вам придётся сталкиваться с большим количеством наглых посредников, гидов, переводчиков, «кидал» и таксистов, которые предложат свои услуги по решению всякого рода проблем, в том числе при контактах с местными властями и даже в посредничестве при передаче им взяток. Обычно всё это «липа». Очень хитры и навязчивы, но только изредка бывают полезны. Вам решать, в какой степени и на каких условиях принимать их услуги.

В первые недели американской оккупации в Багдаде бандиты среди бела дня грабили людей прямо на улицах. Сейчас они уже не орудуют в открытую, но на базарах, особенно в столице, полным ходом «работают» карманники. Берегитесь! Говорят, не всегда можно доверять даже персоналу некоторых отелей и замкам в комнатах, где вы живёте. В случае сомнений носите деньги и паспорт в натальном поясе или ищите иные варианты.

Ни Western Union, ни система дорожных чеков в Ираке пока не функционируют, и если вас обворуют, то вы попадёте в исключительно тяжёлое положение. В этом случае можете попробовать обратиться в Багдаде в консульство России или другой республики СНГ. Есть вероятность, что они смогут как-то посодействовать в переводе денег из России

или СНГ или даже в эвакуации на родину. Не исключено, что в случае возникновения самых крайних обстоятельств вам, как иностранцу, могут в чём-то помочь и представительства европейских стран, иностранные корреспонденты или даже американцы.

Имейте в виду, что в Ираке у вас с большой вероятностью могут начаться желудочно-кишечные заболевания, особенно по жаре. По возможности не употребляйте водопроводную воду без кипячения, хотя она и хлорируется, мойте фрукты, руки и соблюдайте санитарию. На случай, если у вас начнётся понос, обязательно имейте всегда при себе желудочные таблетки.

При зубной боли, серьёзном заболевании или ранении можно обратиться к врачу или в больницу, медицинская служба в Ираке в целом функционирует, по крайней мере, в крупных городах. Однако учтите, что врачи, особенно в провинции, как правило, не владеют иным языком, кроме арабского.

Первые контакты

Первое время полный отрыв от привычного «европейского» окружения будет вызывать у вас «психологический шок от столкновения с восточной культурой». Это достаточно серьёзно. Вы должны знать, что в Ираке, как и вообще на Востоке, ваше появление в качестве иностранца сразу станет

известно любопытствующим жителям вашего квартала, хотя всё же надо постараться не казаться слишком приметным. Одевайтесь и ведите себя так же, как и местные жители, и вы сможете затеряться в толпе, даже если вы блондин – этнические типы иракцев различаются очень сильно.

С вами будут непрерывно бесцеремонно знакомиться, приглашать в гости пить чай, спрашивать о жене и детях, будут присматриваться к вам и оценивать вас. Заранее хорошо продумайте свою легенду, чтобы любопытным обывателям можно было правдоподобно объяснить, зачем вы приехали в Ирак.

На первом этапе пребывания вам может быть удобно для быстрого ознакомления с обстановкой (за небольшие деньги (порядка пяти долларов в день) на несколько дней нанять местного гида, хорошо говорящего на английском языке. Пусть поведет по городу, покажет туристские и политические достопримечательности, познакомит с жизнью и традициями населения. На стенах наклеены различные портреты и фотографии, пусть он расскажет, кто есть кто. Пусть переведёт надписи, написанные краской на стенах, – часто это очень познавательно.

Познакомьтесь с имамом соседней мечети, иностранными журналистами, пусть информированные люди держат вас в курсе местных новостей. Ищите русскоязычных, множество иракских студентов в своё время учились в СССР. Держитесь поближе к университетам и университетским препода-

вателям.

Упорно и непрерывно изучайте арабский язык, как в общении, так и по разговорнику. Для адаптации в местную жизнь можно попробовать немного поработать (на местных предпринимателей, но не на американцев или их администрацию!), даже если платить будут совсем мало.

Чтобы постоянно быть в курсе местных новостей, в интернет-кафе регулярно читайте сайт www.aljazeera.ru – это переводы на русский язык новостей популярного арабского телеканала Аль-Джазира и арабской прессы, он хорошо освещает новости в Ираке. Проблем с русскими кодировками шрифтов в иракских интернет-кафе нет.

Американская армия в пропагандистских целях издаёт на английском и арабском языках свою еженедельную газету, она распространяется бесплатно. Если вы хорошо владеете английским, то весьма познавательно её просматривать.

Контакты с иракским Сопротивлением

Самостоятельно выйти на иракское Сопротивление вполне реально, хотя это удаётся не сразу, не вдруг и с определёнными трудностями. Прежде чем начать искать контакты с иракским Сопротивлением, вы должны привыкнуть к местному образу жизни и традициям и хотя бы совсем немного заговорить на арабском языке. Период адаптации должен продолжаться по крайней мере несколько недель, не нужно

предпринимать преждевременных попыток форсировать эти контакты.

Если приедете группой, то рассредоточьтесь по разным городам и особенно по «горячим точкам». Например, кто-то может жить в Тикрите, кто-то в Аль-Фалудже, кто-то в Багдаде. Это ускорит задачу. Связь между группой через Интернет и, возможно, через телефон. Затем группа может вновь встретиться на день, чтобы поделиться информацией, и снова разъехаться. Уходите от постоянных бытовых контактов со «своими», практика показывает, что они только мешают. Общайтесь только с «местными», ассимилируйтесь, пытайтесь объясниться на арабском языке и жестами. Вначале будет очень трудно.

Тем иракцам, кому вы доверяете, можете осторожно сообщить, что именно вы ищете на самом деле в Ираке и зачем сюда приехали. Начнёт работать «восточный телеграф», про вас в определённых кругах пойдут слухи, и те, кого вы ищете, рано или поздно сами должны выйти на вас. Не спешите, вживайтесь в обстановку, не будьте суетливыми и торопливыми. На Востоке решения принимаются не сразу, некоторое время связанные с Соппротивлением иракцы будут к вам присматриваться. Но никаких гарантий тут быть не может, всё зависит только от вас. Учтите, что для иностранца в рядах иракского Соппротивления может найтись гораздо более тонкая и важная роль, чем лежать в засаде с автоматом.

Возможно, что в самых «горячих точках» страны, кото-

рые всё более и более выходят из-под всякого американского контроля, можно будет действовать ещё более явно и открыто. Кроме того, обстановка в стране меняется каждый месяц.

Если ситуация не ясна, не торопитесь, расслабьтесь и прислушайтесь к своему утробному звериному чутью на опасность. Это чувство совершенствуется с практикой. Будьте внимательны и осторожны.

Ориентировки по ситуации в Ираке

После оккупации возник «стихийный плюрализм», сразу легализовалось множество партий, кто есть кто – известно только Аллаху. Вышла из подполья когда-то очень влиятельная компартия Ирака. Много бывших политэмигрантов всех оттенков вернулось в страну. Военнопленные и политические заключённые содержатся в концлагерях и тюрьмах, их число меняется, но, по последним официальным американским данным, их около пяти тысяч. Идут ночные облавы на основе поступивших доносов. При допросах арестованных могут применяться пытки. В некоторых «горячих точках» введён комендантский час.

Большое число бывших членов иракских служб безопасности, особенно Мухабарат, остались без работы, они в основном пребывают в так называемом «суннитском треугольнике». Мухабарат, одна из четырёх ветвей Служб безопасности Саддама, была лучше всех организована и специали-

зировалась на работе с зарубежными странами. Некоторые её бывшие агенты действуют как посредники для борцов Сопротивления и занимаются закупкой всех видов оружия через посредников чёрного рынка.

Иракское Сопротивление функционирует как множество отдельных ячеек, которые включают в себя бывших военнослужащих иракской армии. Каждая из них ответственна перед более высокими должностными лицами, их члены обладают хорошей военной подготовкой. Все подчиняются центральному командованию, своего рода подпольному генеральному штабу. Большая часть этой невидимой армии состоит по крайней мере из четырёх различных групп, которые автономны в военном, а также в финансовом отношении.

1. Иракские Муджахеддины. Они не являлись ранее членами партии Баас. Кроме того, там есть участники джихада с боевым опытом в Афганистане и Чечне, граждане других мусульманских стран. Фактически каждый муджахед прошел подготовку для ведения партизанской войны.

2. Аль-Ансар (партизаны). Они известны как «остатки партии Баас», о которых так любит говорить Пентагон. Все их лидеры были в своё время лично отобраны Саддамом. Они присутствуют на всей территории страны. Западные спецслужбы утверждают, что у них нет ни рукописных сообщений, ни радио, ни спутниковых телефонов, и ячейки связаны между собой только через устные сообщения.

3. Аль-Михаджирун (эмигранты). Туда входят несколько

членов иракской элиты, кроме того, там присутствуют должностные лица партии Баас, особенно военные стратеги. Они станут твёрдым ядром нового иракского руководства в том случае, если американцы уйдут.

4. Шиитские вооружённые формирования (армия Махди). Они были созданы сразу после оккупации Ирака как местная милиция при молчаливом согласии, если не поддержке со стороны американцев, которые рассчитывали как-то использовать их против сторонников Саддама. Однако шииты восстали против оккупации. Эти формирования отличается более низкий уровень военной подготовки, и, как следствие, они несут более тяжёлые потери в борьбе с американцами.

Иzzат Ибрагим (Izzat Ibrahim), бывший главнокомандующий иракских Вооружённых сил и лидер Муждахеддинов, ушёл в подполье. Он считается главнокомандующим для большей части активного иракского Сопротивления. Он был главным проводником исламизации иракского общества за последние 10 лет и, безусловно, является ключевой фигурой, связывающей структуры Саддама с влиятельными исламистами в арабском мире.

С каждым месяцем Сопротивление становится всё более организованным как в военном, так и в политическом отношениях. В последние месяцы началось создание того, что западные корреспонденты называют «легальные витрины Сопротивления», которые представляют интересы различных

вооружённых организаций.

И наконец, надо упомянуть, что к югу от Багдада сейчас расположена так называемая «многонациональная дивизия», которая формально находится под польским руководством. Она включает в себя более полутора тысяч украинских военнослужащих и небольшие контингенты из Латвии, Литвы и Казахстана. В отличие от американцев, здесь все добровольцы. Оплата от восьмьсот долларов в месяц (для солдат) и выше. Эти «наши» соотечественники-наёмники тоже проводят аресты, зачистки, репрессии. До недавних пор этот шиитский регион считался относительно спокойным, хотя в последние недели потери стоящих здесь оккупационных сил резко возросли.

Лоуренс Месопотамский, октябрь 2003

Сухум – Цхинвал

Именно так называются столицы двух непризнанных государств на языках их граждан, более привычные в РФ «Сухуми» и «Цхинвали» – это по-грузински...

Границу мы пересекали в темноте, поздним вечером под мощный стрёкот неизвестных насекомых. Для того чтобы попасть в непризнанное государство, которого нет на политической карте мира, достаточно предъявить таможеннику российский паспорт и перейти по мосту через реку Псоу. Мы уже в Абхазии, или в Аpsны («страна души»), как называют её местные жители.

Непризнанная республика невелика. Живет здесь около 250 тысяч человек – абхазцы, армяне, русские, грузины. Протяженность побережья между реками Псоу и Ингур всего 220 километров. В любой город республики можно добраться от границы на маршрутке. Наша цель – столица Сухум.

Водитель на старом раздолбанном латвийском микроавтобусе мчится по горному шоссе с огромной скоростью, во мраке южной ночи слева от дороги угадываются очертания гор, справа – море. Правил дорожного движения здесь не существует в принципе. Сначала немного не по себе, потом привыкаешь. Проезжаем Гагру, город-курорт в темноте выглядит совершенно фантастически. Пальмы в неоновых ог-

нях, рестораны и дискотеки, где «зажигают» российские туристы. Канны, Ницца и Лас-Вегас в одном флаконе. Часа через полтора въезжаем в Сухум. Впечатление прямо противоположное: на улицах почти нет освещения, какие-то развалины, мрачное здание разбомбленного во время войны вокзала, воют бродячие собаки.

Другое Православие

Нас принимает иеромонах Игнатий, один из сподвижников лидера православных Абхазии отца Виссариона. Давно уже, в очерке «Война в Ботаническом саду», Эдуард Лимонов писал о нём так: «Длинный, сухой, борода, чёрная ряса, отец Виссарион в прошлом два раза сидел в тюрьме. Один раз (с его слов) за то, что заступился за слабого в драке. Отец Виссарион сам рассказывает об этом и, кажется, гордится, что был разбойником, а стал священником. Он похож на Клинта Иствуда, актера американских вестернов... Большие ручки отца-разбойника сжимают крест, как ручки Клинта Иствуда – его кольт».

Отец Игнатий, внешне похожий на ветхозаветного пророка, тоже личность весьма колоритная. Называет себя «русским националистом», хотя по национальности абхазец. За стаканом вина, домашним сыром и фруктами он рассказывает нам о себе и своем роде (фамилия Киут), представители которого много столетий жили в горной абхазской деревне.

Свою родословную он прослеживает на 1300 (!) лет, в глубь веков. Сам отец Игнатий по первоначальному образованию художник. В начале 90-х поступил в московскую семинарию. Когда началась война, поехал на Родину. Поскольку граница с Россией была перекрыта, зимой он шёл пешком через труднопроходимые перевалы со стороны Карачаево-Черкесии. Всю войну провел в Гудауте, где отпевал погибших и благословлял на бой ополченцев. Теперь служит в Сухумском кафедральном соборе.

Грузинский патриарх Илия Второй во время войны поддерживал Шеварднадзе. После этого абхазские священники вышли из подчинения Тбилиси. Каждый год они пишут в Москву прошения о принятии в лоно РПЦ. Но Московский патриархат зачастую ведёт себя точь-в-точь как выродившаяся российская власть. Иерархам не нужны лишние проблемы. Не хочется возиться с малым народом и портить из-за него отношения с Грузией. Каждый раз абхазским священникам отвечают: «По вопросу о вашей конфессиональной принадлежности обращайтесь к грузинскому патриарху». По сей день положение епархии остается неопределённым. «Какова будет дальнейшая судьба Сухумо-Абхазской епархии, пока неизвестно – это будет решать церковный народ, – сказал отец Виссарион в одном из недавних интервью. – Мое мнение таково: Абхазия и её Церковь должны быть самостоятельными». Действительно, православие здесь иное, без торговли водкой, минералкой и сигаретами и прочей омер-

зительной изнанки РПЦ.

К тому же христианские традиции Абхазии куда древнее, чем в России. Страна была крещена еще в 527 году. Сохранились церкви раннехристианских времён – греческие, византийские, собственно абхазские, скальные монастыри и каменные иконы. В средневековой столице Абхазии – Лыхны – развалины дворцов абхазских правителей и церковь Успения Богородицы XI века. Внутри храма остатки средневековых фресок. Здесь же похоронен последний абхазский царь – Георгий Сафарбей, присоединивший Абхазию к России. В 1818 г. его за это убили турки. Остался в церкви и след последней войны: на стене видны написанные кем-то карандашом слова: «Господи, помоги моей плачущей Апсны в этот горестный период конца XX века».

Столица

С утра в Сухуме уже за тридцать, жарко и влажно. Город потрясающе красив: двухэтажные домики восточного стиля соседствуют с современными особняками начала прошлого века и сталинской отделкой набережных. Даже разрушенные здания излучают какой-то особый восточный эстетизм. Руины, пальмы и море. Всё это великолепие разбавлено брежневскими многоэтажками.

В окружении буйной тропической растительности стоит разгромленное здание правительства Абхазской АССР. От-

сюда бежал Шеварднадзе во время победного наступления ополченцев на Сухум в сентябре 93-го. Рядом – полуразрушенный жилой дом, видны его внутренности, развороченные снарядом: кровати и шкафы, остатки чьей-то мирной жизни. О войне здесь напоминает многое. На набережной – обгоревший скелет элитной советской гостиницы «Абхазия». Неподалёку небольшое кладбище и памятник, на мраморных табличках имена сотен погибших ополченцев.

Ритм жизни в Сухуме заметно отличается от московского, питерского и российского вообще. Абхазия – самое теплое место в европейской части СНГ, и климат диктует свои условия. Опять же, восточные традиции. Сухумцы никуда не торопятся: время проводят в уличных кафе в беседах за чашкой знаменитого заварного кофе «а-ля тюрк» по 5 рублей. Кофе вам нальют в любом ларьке или мелкой лавочке. Представить себе местный быт без этого напитка невозможно, так же как и без вина. Вино пьют в больших количествах. В кафе принято заказывать сразу кувшин литра на полтора. В некогда знаменитом ресторане национальной кухни «Нарта» литр обойдется в 35 рублей. Дешево и всё остальное, вплоть до недвижимости: хороший дом в Сухуме можно купить за 8–10 тысяч долларов.

После типовых российских квартир в грязных мегаполисах, пробок, метро и оборотней в погонах на каждом углу здесь чувствуешь, что живешь по-настоящему. Конечно, Абхазия была бы идеальным местом для реализации проекта

«Другая Россия». Можно сказать, что он даже отчасти воплощен здесь в жизнь. Напрочь отсутствует давление государственной машины, милиция есть, но просто так не придирается к гражданам. Люди свободны, расслаблены и представлены самим себе.

В городе повсюду висят национальные флаги – чередующиеся белые и зелёные полосы, раскрытая ладонь и семь звёзд над ней. Флаги освящены кровью воевавших под ними абхазских ополченцев. Свою независимость, добытую в боях, Абхазия не отдаст никому. Даже к России отношение достаточно взвешенное: абхазцы говорят, что не стремятся к вхождению в состав РФ. Идеальный вариант для них – ассоциированное членство (общая оборона и гражданство). О восстановлении отношений с Грузией и говорить нечего – в стране, где все взрослые мужчины воевали за независимость, этот вопрос не дискутируется. Абхазия – никем не признанное государство, тем не менее она ЕСТЬ. Де-факто с ней вынуждены считаться на Кавказе и в мире. Потому что такова воля её народа.

Власть

Президент Владислав Ардзинба – по образованию историк – первый лидер независимой Абхазии. Он руководил своим народом во время войны и в годы последовавшей затем жёсткой политической, экономической и информацион-

ной блокады, в которой позорно приняла участие Россия. Ардзинба теперь живая легенда абхазской государственности, но он тяжело болен.

Когда в Абхазии назначили президентские выборы, Ардзинба призвал народ голосовать за премьера Рауля Хаджимба, выходца из структур КГБ, человека, ранее мало известного широкой публике. Но сравнивать эти выборы с российской операцией «преемник» некорректно. Демократии в Абхазии побольше, чем в любом российском регионе. Девушка-секретарша в МИДе сообщила нам, что собирается голосовать за основного кандидата от оппозиции – Сергея Багапша. Можно ли себе представить, чтобы чиновники в каком-нибудь из российских ведомств признавались в намерении проголосовать за Хакамаду или Глазьева? Всё это говорит о том, что абхазская государственность состоялась.

Нам удалось побеседовать сразу с несколькими людьми из правительства. Говорили, в том числе, и о НБП. К вождю и партии отношение здесь очень теплое. Сам президент хорошо помнит Лимонова, который, как известно, был в Абхазии во время войны в 1993 году.

«Спасибо, что приехали в такой трудный для нас момент. Мы внимательно следим за вами, ребята, видим, как вас то сажают, то выпускают. Мы сочувствуем вашей борьбе, – говорил нам один из руководителей республики (раскрывать его имя пока ещё рано). Я не верю всем этим российским чиновникам и депутатам... вот Лужков к нам приезжал, потом

Жириновский... Они только языком мелют, а в случае войны нам не помогут. Где были они все, когда Лимонов приезжал к нам во время войны?» Он выходит в соседнюю комнату, приносит бутылку коньяка и фрукты. Мы выпиваем по рюмке за будущее Абхазии, прощаемся, и договариваемся обязательно созвониться в ближайшем будущем.

Что будет?

Беслан – брат о. Игнатия – во время войны был ополченцем. Теперь везёт нас на своей «Волге» в Новый Афон. Когда проезжаем мост через горную речку, показывает на горы: «Вот здесь были наши позиции, а на том берегу – грузинские. Целый год здесь держались». А мост не взрывали? – спрашиваю я. «Нет. Грузины думали, что он им понадобится, а мы – что нам пригодится. Так в итоге и получилось».

Беслан уверенно ведёт машину по горному серпантину. Он воевал за эту землю, а сегодня привёз сюда нас, гостей. Беслан – хозяин в Абхазии, и, если Саак сунется сюда, он и еще тысячи мужчин вновь возьмутся за «калашниковы», которые лежат у них дома. В этом – сила Абхазии. Фактически народ здесь напрямую осуществил своё право на независимость с помощью оружия. Такая вот «военная демократия». Может быть, лучшая форма власти из тех, что придумало человечество.

Развитие страны сдерживает висящая над ней дамоклов

вым мечом грузинская угроза. Но даже сегодня перспективы войны для Тбилиси выглядят очень сомнительно. Грузинские власти не решаются на откровенное вооружённое нападение, ограничиваясь мелкими провокациями, вроде обстрела следовавшего в сухумский порт турецкого сухогруза. Дело в том, что кроме вооружённого ополчения Абхазия имеет вполне боеспособную регулярную армию, включающую военно-морской флот, авиацию, артиллерию и разведывательные войска. Раз уж Грузия не смогла справиться с Абхазией в начале 90-х, то теперь это ей явно не по зубам. В Министерстве иностранных дел РА полагают, что сегодня Грузия использует метод постоянного силового давления, выступая с принятой для этой страны истеричностью, но в реальную войну втягиваться боится. Тем не менее, на всякий случай здесь все готовятся к войне.

На реке Ингур стоят российские миротворцы. Хорошо, что стоят: это один из факторов сдерживания грузинской агрессии.

Когда мы покидали «страну души», шел сильнейший тропический ливень. Потоки воды устремились прямо по пограничному переходу, который превратился в небольшую реку, текли потоки воды. В Адлере «оборотни» на вокзале проверили у нас документы аж дважды («Вы в Абхазию ездили? С какой целью? А почему на сегодня обратных билетов не купили?») Даже ночью менты шляются по пляжу с фонариками. Светят в лица людям и внимательно их разглядывают.

Сразу ясно, куда попали. Здравствуй, Родина! И до свидания: наш путь теперь в другую непризнанную республику, в «горячую точку», где уже начинается война – несдающуюся Южную Осетию.

Дорога жизни

Железнодорожный вокзал Владикавказа, столицы Северной Осетии – Алании, как называют её сами осетины, почитая свои исторические и этнические корни. Неизменные таксисты, предлагающие поехать куда угодно. Первый взгляд на город: восточный колорит виден сразу, в архитектуре и в самих жителях. Узнаем у таксистов, откуда можно добраться до Цхинвала. Перед тем как отправиться в главный пункт нашего путешествия, звоним в правительство Северной Осетии и пытаемся выяснить номера телефонов руководства Осетии Южной. Там отвечают, что номера мобильных у них постоянно меняются, и вообще, если мы хотим в Цхинвал, то нам надо просто сесть в автобус и поехать туда. Это мы и собираемся сделать.

Еще не доехав до автовокзала, в маршрутке знакомимся с молодым осетином. Недавно он занимался бизнесом во Владивостоке, а теперь вернулся домой. Сообщает нам о своём намерении ехать в Цхинвал осенью, когда начнётся настоящая война. Зачем? Всё очень просто: воевать на стороне своего народа, за свою Родину. «Не хотят грузины жить в мире

– люлей получают», – улыбаясь, говорит он.

На автовокзале берём тачку за 400 рублей, и вот уже мчимся по дороге на Цхинвал. Едем в неизвестность, знаем только, что обстреливают город, но что и как... Потёртая немецкая машина, за рулем осетин Руслан и его друг Рауль, оба – коренные цхинвалцы. Рауль только что продал машину и едет домой, чтобы с оружием в руках защищать свой город.

Они первыми вводят нас в курс дела. Рассказывают необходимые факты и просто плещут эмоциями. Сквозь улыбки и шутки на злобу дня чувствуется отчаянность взглядов и мыслей наших попутчиков. Это не отчаяние опущенных рук, это, наоборот, чёткое осознание действительной опасности и готовность ей противостоять. Простые мужчины-осетины, без оружия и военной формы, в этой ситуации стали бойцами, защитниками.

Мы пересекаем формальную государственную границу РФ с Грузией, или действительную между Северной и Южной Осетией. На границе у нас проверяют документы, с которыми вроде всё в порядке. Но мы представляемся журналистами питерской газеты, и нас просят пройти в помещение КПП. Солдат-срочник, вооружённый автоматом, ведёт нас в кабинет. Мы честно не понимаем, зачем нас куда-то ведут. Оказалось, это стандартная процедура для въезжающих/выезжающих журналистов. Беседа с сотрудником военной разведки, который просит узнать побольше информации и по-

том сообщить её ему. Внимательно выслушиваем разведчика, уверенно киваем, но в голове уже возникает мысль, что ничего сообщать ему мы не будем, даже если будет что сообщать. Хочется сказать ему: хочешь узнать что-то о ситуации в Цхинвале? Садись в машину и езжай туда.

Через несколько минут мы уже едем по территории «Хуссар Ирыстон» – югоосетинской республики. Вокруг горы, высокие – две, две с половиной, три тысячи метров. На вершинах лежит снег. Если открыть окно машины, то слышен шум быстрой горной реки. Мы движемся сквозь молчаливую природную красоту, которая впечатляет нас ровно настолько, насколько и пугает. Дорога разбита и пустынна, редкие машины проскакивают почти незаметно, такое ощущение, что мы въехали в какую-то сталкеровскую зону. Наши сталкеры, Руслан и Рауль, ведут нас в известную им неизвестность столицы РЮО города Цхинвал.

Мы останавливаемся, чтобы напиться из настоящего минерального источника с природной «газировкой». Постепенно темнеет, а до Цхинвала ещё далеко. Въезжаем на грунтовую объездную дорогу, она была сделана во время первой войны с грузинами, поскольку основное шоссе на Цхинвал проходит через грузинские села и контролируется вражескими войсками. Объездная трасса труднопроходима, особенно после дождя, но сейчас это единственный путь в город, без преувеличения, дорога свободы и дорога жизни. Этот последний и самый опасный отрезок мы преодолеваем уже

в темноте, по пути встречаем редкие посты цхинвальских ополченцев. Здесь дорога ещё более пустынная, пугающая. «Херовый район проезжаем, – говорит Руслан, – тут грузинский пост рядом, могут подстрелить».

Подъехав вплотную к городу, подбираем двух ополченцев, появившихся из темноты, один из них брат Рауля. Он одет в камуфляж, весело шутит, обращаясь к нам. Спрашивает, есть ли у нас бронежилеты и каски, да знаем ли мы вообще, куда приехали?! Снова смеётся. Потом, узнав, что мы журналисты из Питера, серьёзно говорит мне: я окончил художественное училище, мечтаю побывать в вашем городе, увидеть картины великих художников в Эрмитаже и Русском музее... Уже через несколько минут он снова растворяется в темноте, уходит на боевой пост.

Ночь первая

Уже поздно, и наш сталкер Руслан предлагает остаться у него дома. Мы, естественно, соглашаемся, хотя живёт он едва ли не в самом опасном районе Цхинвала, на северной окраине, в каких-нибудь 500 метрах от грузинских позиций в селе Тамарашени. Эту часть города с наступлением темноты грузины обстреливают постоянно и особенно интенсивно.

Проходим в дом, нас встречает жена Руслана, Рита. Осетины гостеприимны: нам быстро накрывают стол. Всё скромно: сыр, овощи, хлеб, домашнее вино, но искренне, от всей

души. Нас рады видеть, мы дорогие гости. Несмотря на позднее время, собираются соседи – женщины, помогают накрыть на стол. Ведь мы – журналисты из далёкого полустоличного Петербурга, мы интересуемся их судьбой. Им так тяжело сейчас: еженощные обстрелы, неизвестность впереди, постоянное напряжение. И мы как люди из другого мира, мы как маленький кусочек надежды для них. На самом деле этот вечер и ночь в блокадном Цхинвале забыть будет сложно.

Мы не успеваем выпить и первого стакана домашнего вина, приготовленного нашим хозяином, как где-то раздаётся пулемётная стрельба, через несколько минут слышен взрыв. Стреляют из миномета. Затем ещё один, потом ещё и ещё. Маленькая хозяйская собачка Марфа при звуках обстрела убегает в дом и забивается под кровать. Животные вообще очень чутко реагируют на выстрелы, инстинктивно понимая, что смерть где-то рядом.

Мы встаём из-за стола, выходим на улицу, там уже собрались соседи из ближних домов. Под звуки обстрела (пока стреляют не по городу, а по расположенной рядом с Цхинвалом осетинской деревне Сарабук) мы начинаем беседовать с ними. Нам показывают следы от пуль на домах, части разорвавшихся мин, собранные на улицах города. Показывают подвал строящегося дома, который переоборудовали в бомбоубежище. Жители спускаются туда, прячут детей, когда обстрелу подвергается именно их район. А бывает это довольно часто. Обстрелы начинаются около 10–12 часов ве-

чера и могут продолжаться до рассвета или до полудня.

Пожилая осетинка, всю жизнь проработавшая преподавателем истории в цхинвальской школе, учившая и грузин, и осетин, и русских, спрашивает у нас: «Где Россия, почему не защитит нас? Мы столько страдали, добиваясь, чтобы вы взяли нас к себе... Что нам ещё нужно сделать?» Ответить ей пока нечего.

Те, которые творят мир

В 9.15 утра на базе российских миротворцев военные проводят встречу с журналистами, раздают сводку произошедших за сутки событий. Возле КПП собираются телевизионщики с камерами, кое-кто из пишущих корреспондентов, подходим и мы.

Перед тем как начинается «официальная» пресс-конференция под запись, происходит неформальное общение. Нам рассказывают, что грузины подогнали к селу Никози гаубицы и всю ночь обстреливали позиции осетинских миротворцев. Но всего этого офицер не может сказать в телекамеру, иначе быстро лишится своей должности («если я это скажу, меня начальство трахнет»). В эфир идёт информация о том, что «неизвестными силами обстрелян пост миротворцев». Вот такого качества сведения дают журналисты из зоны боевых действий, такую «правду» о войне в Цхинвале узнают «дорогие россияне».

Российские миротворцы базируются в самом Цхинвале на улице, которую называли в их честь. На улице Российских Миротворцев они принимают самое непосредственное участие в разгорающемся конфликте. Принципиального командующего генерала Набздорова обожали осетины и ненавидели и даже грозились убить грузины. Он принимал участие в бесконечных переговорах между противоборствующими сторонами, решал многие вопросы, от которых зависела судьба Цхинвала и его жителей. Но потом под давлением грузинской стороны российские власти убрали генерала с поста командующего... Развивающиеся события показывают, что роль российских военных миротворцев под вопросом. Их посты практически ежедневно подвергаются обстрелу, договорённости, принятые днем, нарушаются уже ночью. Естественно, не будь русских солдат в Цхинвале, сценарий военных действий был бы радикально другим. Но всё же очевидно, что миротворцы не способны предотвратить эскалацию конфликта, начало войны, если таковая будет запланирована Грузией.

Мы добираемся до границы с Тамарашени. Там стоит осетинский пост. За ним – наши миротворцы. Дорогу перекрывает потрёпанная бронетехника и солдаты в голубых касках. Здравствуемся, представляемся. Солдаты охотно беседуют, смеются. Демонстрируют изрешечённую пулями дверь, которая когда-то закрывала вход в здание поста. Находим старшего, им оказывается молодой офицер Денис из Вели-

кого Новгорода. Просим разрешения снимать и фотографироваться на память. На вопрос: какая у вас задача, Денис отвечает, что миротворцы обозначают свое присутствие и не имеют права открывать огонь. Стрелять можно только в случае прямого нападения с личного разрешения командующего. Всё ясно. Желаем удачи солдатам, прощаемся и уходим.

Выбираемся в город, которого мы пока ещё не видели. Ярко светит солнце. Проходим мимо местного университета. С удивлением замечаем абитуриентов, которые внимательно разглядывают списки успешно сдавших вступительные экзамены. Работают магазины, аптеки, функционирует центральный телеграф, междугородный переговорный пункт. На рынке торгуют, в том числе и грузинки из близлежащих сёл. Тех самых, откуда ведутся обстрелы Цхинвала. Это ярко показывает, что между грузинами и осетинами нет этнического конфликта. Причины войны – иные.

Продолжаем изучать окрестности, идём по одной из центральных магистралей – улице Сталина. Ничего не напоминает о том, что на самом деле город находится в полублокаде, а на его границах ведутся настоящие ночные бои с применением артиллерии и миномётов. С точки зрения обороны Цхинвал расположен самым неблагоприятным образом. Со всех сторон он окружен горами. С одной стороны его граница совпадает с границей между Южной Осетией и Грузией. С другой стороны Цхинвал подпирает грузинское село Тамарашени. Таким образом, линия фронта начинается прак-

тически в самом городе.

Ночь вторая

По телевидению сообщают, что подписано очередное соглашение о прекращении огня. Но в то, что обстрелы прекратятся, не верят ни жители Цхинвала, ни солдаты на миротворческих и боевых постах. Все готовятся к ночи, зная, чего от неё ждать. Взрослые мужчины и даже 14–15-летние пацаны с наступлением темноты уходят в дозор, защищать свой город, свою свободу.

Обстрел начинается около полуночи, огонь намного более интенсивный, чем в прошлую ночь. Стреляют с разных сторон, по близлежащим осетинским селам и по самому Цхинвалу. Стреляют из пулемётов, миномётов и впервые из ещё более тяжёлой артиллерийской техники. Грузины в отличие от осетин не испытывают проблем с оружием.

В какой-то момент начинают стрелять из Тамарашени по нашему кварталу: в два часа ночи просыпаемся от сильного взрыва где-то рядом. Одеваемся, выходим на улицу, снова взрыв, звон стекла, может быть, в какой-то сотне метров от нас. Потом, утром, мы ходили в этот дом: мина пробила крышу и потолок, все стёкла выбиты. Чудом никто не пострадал.

Дурной грузин, или Тень бесноватого дауна

Мишико Саакашвили, американоидный грузин, с триумфом взошедший на тбилисский престол в результате хорошо спланированной и оплаченной розовой «революции», — нервное политическое существо. Саака сравнивали с печально отметившимся в истории Грузии Звиадом Гамсахурдия.

Грузия после распада Красной империи СССР непрерывно пребывает в состоянии глубокого кризиса. В данной ситуации было естественным появление «великогрузинского мессии» Гамсахурдия, провозгласившего громкое: Грузия для грузин! Развязавшего войну против «мятежной» Южной Осетии, измазавшегося по шею в крови мирных и безоружных людей, потом свергнутого, изгнанного и убитого. Далее власть перешла к одному из главных виновников развала Красной империи Шеварднадзе, который недолго думая начал ещё одну бессмысленную войну, теперь уже против Абхазии. Она была бесславно проиграна, старый козел едва унёс ноги из Сухума.

Застой и нищета характеризуют послевоенный период грузинской жизни. Но мудрые заокеанские хитрецы от империи, интересы которой простираются вплотную к границам того, что осталось от великой Красной империи, вскармливали нового «вождя нации», молодого, амбициозного, в меру упитанного и очень активного. За скромный гонорар он был

готов осуществлять любые планы, разработанные в Вашингтоне. Всё это делается с использованием старой великогрозинской риторики. Злобный Саак брызгает слюной не только на «сепаратистов» Абхазии и РЮО, но и на Россию. Кто-то считает его умным и последовательным политиком, но он более всего напоминает хорошую, исполнительную электромеханическую куклу, с пультом управления в руках Дяди Сэма.

Уезжая из Цхинвала, мы узнали о том, что грузины подтянули тяжёлую технику, что спикер парламента Бурджанадзе сделала очень жёсткое заявление, прозвучавшее как сигнал к началу большой войны. «У этой сучки, что, детей нет?» – ругался Руслан. Всё говорило о том, что грузины готовятся к штурму города. Действительно, уже из радионовостей мы узнали, что ведётся сильнейший обстрел города, потом были единичные попытки прорыва обороны Цхинвала...

Андрей Дмитриев, Андрей Зыков, сентябрь 2004

Азербайджан

Российско-азербайджанская таможня находится на шоссе, которое проходит через Дагестан на Баку. И с той, и с другой стороны внешне она напоминает первые посёлки переселенцев на Диком Западе именно в том виде, в каком их показывают в американских вестернах. Множество неказистых, наспех построенных из подручных материалов лавочек и дешёвых харчевен. Масса болтающихся без дела таксистов в поисках редкой клиентуры.

По нравам и порядкам это тоже Дикий Запад. Сутками стоят редкие грузовики. Они пытаются пересечь границу, но таможенники требуют слишком больших взяток, и их шоферы пытаются торговаться. Часами в очередях стоят рейсовые автобусы. Крутятся какие-то подозрительные типы, кто-то с кем-то о чём-то договаривается, кто-то куда-то что-то хочет провезти. «За последние дни здесь было совершено три убийства», – сказал мне шофёр такси.

На проходной таможни толпа людей, они в основном российские граждане. В основном это женщины с гор Дагестана, они носят повязанные особым образом большие цветные платки. В основном среднего возраста, но много и молодых. Они подтянуты, выглядят уверенными в себе, многие молодые очень красивы, пьянство и деградация затронули Дагестан в значительно меньшей степени, чем Центральную Рос-

сию.

Тележки, сумки, мешки с солью. Эта мелкая цыганская торговля стала для многих семей в приграничных территориях СНГ единственной отдушиной для того, чтобы заработать хоть какие-то деньги. Женщинам заниматься этим легче, их, в отличие от мужчин, милиция или полиция другой республики не сажает в тюрьму.

Таможня. На стене висят сделанные на ксероксе фотографии чеченцев, которых следует опознать и задержать. Ксерокс был плохой, копии очень контрастны, опознать по этим силуэтам никого не возможно. Бюрократическая формальность. Но это никого не волнует, в ряду приоритетов таможни борьба с чеченцами реально стоит на последнем месте.

В барак, где находится таможня, граждан впускает русский солдат, он белобрысый, высокий, худой и слегка горбатый. По его лицу заметно, что у него что-то немного не в порядке, какое-то небольшое, но заметное постороннему глазу отклонение в психическом развитии. Возможно, он жертва нетрезвого зачатия.

Довольно скаля неровные зубы, смеясь всем в лицо, он нарочито медленно и по одному пропускает людей к паспортному контролю, специально создавая очередь. Он всё время повторяет с циничным хохотком, как ему нравится здесь работать. Он делал это не для взяток, их вымогают не на его уровне, а просто так, для забавы, смеха ради.

Один мужчина не выдержал: «...я служил в Венгрии...»

Он дагестанец, типичный офицер Советской армии в отставке. На шум вышел старший лейтенант, мрачный и угрюмый, как туча. Посмотрел исподлобья на отставника, глухо сказал солдату одно слово: «пропустить» и ушёл.

Стоя в этой очереди, я, русский, вдруг почувствовал, какое удовольствие можно ощутить, если расстрелять из автоматов всю эту таможеню вместе со всем её персоналом. Я могу только догадываться, какие ощущения испытывают местные жители – дагестанцы, родившиеся в здешних воинственных горах, которые регулярно проходят через это издевательство.

Я очень много ездил по СССР в своё время, и я нутром чувствую, как сильно всё поменялось в России. Это не наша таможня, это не наши порядки, это не наши солдаты и офицеры, они только мимикрируют под наших. Они стали другими, даже выражение глаз изменилось.

В микроавтобусе на Баку я, русский, стал для этих дагестанцев своим, я стал азиатом, потому что я проехал вместе с ними в Азербайджан не обычным путём, которым попадают туда московские господа, а с чёрного хода. Мне рассказывают о страшных экономических реалиях Дагестана и Азербайджана, дают советы. Среди прочего и такой: «Езжай в Баку только автобусами, никогда не заходи в метро».

К трём часам ночи микроавтобус привёз всех нас в пригород Баку на ночлег. Построенная с шиком ещё при советской власти вилла сохранила отпечаток восточной роскоши

и былой состоятельности владельцев, сейчас её хозяин сделал там постоянный двор для «челноков» из микроавтобуса. Переночевать стоит двадцать российских рублей, что уже само по себе даёт представление о заработках и уровне доходов в нынешнем нищем Азербайджане. Четыре часа сна, мгновенный подъём рывком для всех, чай, и через четверть часа микроавтобус со всеми нами уже катит на рынок...

Роскошная многоэтажная гостиница при бакинском вокзале, где я устроился на ночлег, была построена в последние годы СССР с претензией на высокий класс. Двери большей части этажей сейчас забиты досками, отопление не работает, хотя зимой в Баку достаточно холодно, ремонта не было уже много лет, в обычном автоматическом лифте зачем-то сидит на скамеечке старик «лифтер». Горничные по большей части представлены корявыми тётками странного вида всех национальностей. Им уже два месяца не платят даже их копеечную зарплату, хотя гостиница полна людей за счёт вахтовых рабочих нефтяных камней, и цены за койку в общем номере от двух долларов и выше, что очень даже немало для Баку. Из гостиницы выжимаются все деньги, но не вкладывается абсолютно ничего. Всё это произвело на меня впечатление полного, абсолютного хаоса.

«Президент» Гейдар Алиев пришёл к власти в результате военного переворота в конце 1993 года. После того как знаменитый герой войны с Арменией молодой и симпатичный Сурет Гусейнов отобрал власть у коррумпированного и

полностью дискредитировавшего себя протурецкого Народного фронта, он настоял на том, чтобы вернуть из Нахичеванской области всеми уже давно забытого кагэбэшника и члена ЦК КПСС Г. Алиева. Когда-то тот успешно руководил республикой и имел репутацию неподкупного борца с коррупцией. Укрепившись во власти, Г. Алиев посадил Сурета Гусейнова и его соратников в тюрьму. Из борца с коррупцией престарелый Алиев стал главным вором республики, из главного коммуниста стал лучшим другом США, из генерала КГБ стал то ли царём, то ли эмиром. По всей республике я видел всюду «наглядную агитацию» с цитатами этого владыки. Помимо всего прочего, он имеет в народе сомнительную репутацию из-за того, что фактически признал поражение в войне с Арменией. Родственники и окружение «президента» под стать самому Гейдару Алиеву.

Всё производство в Азербайджане стоит, в сельском хозяйстве хаос. Баку превратился в один большой базар, в провинции вся экономика вообще замерла.

В середине девяностых годов были торжественно провозглашены фантастические планы роста добычи нефти. На деле республика, как и прежде, добывает 11–12 миллионов тонн в год. Это практически единственное, что там ещё производится.

Не менее миллиона беженцев из-за проигранной войны с Арменией. Кроме семи миллионов граждан, проживающих сейчас в республике, три миллиона эмигрировало в поисках

работы в Россию, а два миллиона на Украину, вне зависимости от национальности. Но дело даже не в абсолютных цифрах. Уехали кадры, управленческий персонал, все те, кто молод, лёгок на подъём и инициативен, у кого голова на плечах и руки на месте. Грузчики и корявые тётки всех национальностей остались.

Азербайджан – полицейское государство. Не хочу именно этим колоть руководство республики, покончившее после военного переворота Сурета Гусейнова с погромами армян, некоторые из которых до сих пор живут в Баку, а также с иными бесчинствами. В республике низок процент тяжёлых преступлений и убийств, в Баку полиция на каждом углу. Но процесс общего разложения захватил даже силовые структуры.

Вопреки мудрому совету я всё-таки пошёл в бакинское метро, причём с объёмистым рюкзаком, который сразу выдал во мне приезжего. Полиция на привокзальной станции метро меня остановила, долго издевательски обыскивала, потребовала показать деньги, долго их мусолила и, хотя я внимательно смотрел на эти манипуляции и подозревал подвох, одна из бумажек в пятьдесят французских франков (7 долларов по курсу) «исчезла» прямо у полицейского в руках, но окончательно я понял это уже в гостинице. Он был настоящий фокусник, ему надо в цирке работать. Горничная гостиницы посоветовала обратиться к дежурному в полицейское отделение на вокзале. Я только начал там рассказывать,

как дежурный, азербайджанец меня оборвал: «Знаю, я всё уже знаю. Вы думаете, вы у нас первый такой? Мне всё время по почте приходят заявления от граждан России, ограбленных нашей полицией здесь прямо в метро, хотя это не наше вокзальное отделение, за оградой вокзала находится территория полиции метро. Я окончил школу милиции на Украине, работал в Харькове, а теперь вот такой позор и бардак приходится здесь расхлёбывать. Просчитайте ещё раз деньги и скажите точно, сколько именно пропало. Не беспокойтесь, сейчас деньги вам вернут. Я сейчас с вами пошлю нашего полицейского в то отделение, он всё там решит. И подумайте, как вы хотите с ними разобраться, по-доброму или через официальное заявление...»

Через полчаса редкая, синяя бумажка в пятьдесят франков снова была у меня.

Русские школы и группы в Баку есть, их не закрывают, русских вроде даже и не очень и прижимают, но их осталось мало, все, кто мог в поисках работы уехать, уехали.

Автобус Баку – Тегеран идёт через пограничный город Астару, это единственная дорога на дальнее зарубежье. Но почему тогда она в столь жутком и страшном состоянии, особенно перед границей, где большегрузный грузовик рискует поломать колесо или застрять? Я понимаю, что в республике может не быть денег на создание автотрасс, которые в тридцатых годах строил Гитлер и которые сейчас строит Туркменистан. Но как понимать, что уже десятилетие как не за-

дельвались рытвины на дороге и она местами вообще превратилась в просёлочную? Эта трасса для Азербайджана – окно в мир, возможность прорвать блокаду России, которая поддерживает Армению. Это возможность беспрепятственно снабжать себя оружием и, в конце концов, основа для выживания республики как независимого государства. В других республиках тоже воруют, но иногда хоть что-то строят, что-то ремонтируют, о чём-то думают. Азербайджанские власти только воруют. Полный хаос.

В Ленкоранском регионе, недалеко от иранской границы, все вывески на азербайджанском. Но всё дело в том, что азербайджанцев здесь нет, это район проживания ираноговорящих талышей, ничего общего с азербайджанским их язык не имеет. В многонациональном Азербайджане идёт насильственная ассимиляция местного населения: талышей, аварцев и других, этот момент надо иметь в виду.

Тут ещё надо иметь в виду, что Азербайджан перешёл на латинский шрифт, который якобы лучше отражает специфическое азербайджанское произношение. Но я немного могу объясняться на турецком, и, читая вывески, я понял, что некоторые из них в Баку отнюдь не на азербайджанском, а именно на турецком языке! «Да, в последние годы в азербайджанском языке появилось много новых слов», – подтвердила моё подозрение местная молодёжь.

Все газеты на латинице. А вот в азербайджанских мечетях все объявления и религиозная литература остались только на

кириллице, на старом добром азербайджанском языке, ибо продажные власти республики, пресмыкаясь перед Турцией, извратили свой родной язык до такой степени, что официальная его версия стала малопонятна простым мусульманам.

При общем неважном состоянии сельского хозяйства в СССР у населённых талышами субтропиков с центром в Ленкорани была иная судьба. В своё время на союзном уровне было решено превратить этот субтропический регион в житницу, в поставщика ранних овощей и хлопка. Очень трудолюбивое и непьющее местное население в сочетании с фараоновыми капиталовложениями СССР и территориальной и языковой отдалённостью маразматической московской бюрократии позволили создать из этого края один из самых эффективных агропромышленных комплексов мира, предмет зависти многих западноевропейских руководителей и сельскохозяйственных специалистов. Прикаспийская Голландия.

Теперь всё в руинах. Оросительных систем больше нет, дорог больше нет, общесоюзного рынка сбыта овощей нет, сельхозтехники тоже нет. Остались только люди.

Азербайджанская таможня. За перегородкой в другом отсеке слышен страшный, нечеловеческий крик множества женщин, многоголосье, сливающееся в дикий, истошный вой... Один раз в месяц население, проживающее в сорокапятикилометровой зоне от границы с Ираном, имеет право пересечь границу бесплатно, не платя за визу. Жуткая нище-

та этого талышского края породила, как и везде, слой «челноков», и они пытались вывезти из Азербайджана в своих сумках больше товара, чем это разрешено. Если бы в Западной Европе десять лет назад были бы проведены те же политические и экономические реформы, что у нас, то так же истощно визжали бы сейчас гражданки Голландии на голландско-немецкой границе.

Александр Сивов, июнь 2002

Иран

Забудьте бредни про дикую страну, по которой бродят орды религиозных фанатиков и караваны верблюдов, ишаков и прочей живности, ничего этого здесь нет. Иран – страна сплошной автомобилизации, причём автомобильное движение значительно не только в крупных городах, но и в глубокой провинции. Количество легковых автомобилей огромно, правда, зачастую им десять, двадцать и более лет, но в стране есть огромное множество мелких авторемонтных мастерских, творящих чудеса со старыми развалюхами. В связи с тем, что Иран является нефтедобывающей страной, бензин очень дешёвый и машины не простаивают в гаражах. Водители почти не соблюдают правил, местного аналога ГАИ на дорогах почти не заметно.

11 февраля 1979 года аятолла Хомейни вернулся в страну из ссылки, где пребывал без малого двадцать лет – в Иране это официальный праздник. «Исламская революция в Иране была святым чудом», – можно прочесть на английском языке во многих местах цитату Хомейни. Я видел на улицах машины с громкоговорителями, а по телевидению на традиционном митинге в Тегеране читал антиамериканские лозунги на английском языке. А была ли вообще как таковая исламская революция в Иране?

Антишахская и леворадикальная революция была на де-

ле совершена левыми организациями Моджахеддин-е-Халк и Федаин-е-Халк. Десятилетия подпольной работы, разгорающаяся партизанская война в прилегающих к Каспию горах Мозадарана, дерзкие налёты городских партизан-мотоциклистов на полицейские участки Тегерана потрясали страну и переросли в массовые выступления. К моменту возврата из Парижа Хомейни шах уже бежал из страны, но аятолла сумел повернуть вектор уже фактически свершившейся революции в исламском направлении.

Хотя иранские левые революционеры были репрессированы, а их руководство уничтожено, исламское руководство страны восприняло многие их идеи. В стране существует экономика почти социалистического типа. Семьдесят процентов производства в руках государства. Все доходы от добычи нефти направляются на развитие страны, которая оправилась от очень тяжёлой войны с Ираком. Строятся современные автострады, железные дороги, заводы, на берегу Персидского залива заканчивается строительство первой в Иране атомной электростанции. Иностранные капиталовложения, вообще говоря, есть, но их немного. С полной загрузкой работают местные заводы, маленькие бутылочки воды, по виду и вкусу точные аналоги кока-колы или фанты, стоят в лавках по курсу два российских рубля. Импортные товары, в частности электроника, есть в продаже, но их немного, для иранцев они дороги. Для импортных потребительских товаров существует свой, завышенный курс обмена иностранной

валюты. Наряду с этим сосуществует очень развитое мелкое и кустарное производство, существует множество лавок, кафе, мастерских.

Нельзя сказать, что Иран живёт богато. Множество людей в стране без работы или занимается мелкой торговлей. Однако в последние годы ситуация меняется, страна начала быстро развиваться, и, как мне сказали наши «челноки» из Азербайджана, экономическое положение улучшается прямо на глазах, из года в год. Заметьте, никаких приватизаций и «свободного мирового рынка».

В стране хорошая и очень дешёвая транспортная сеть. Есть поезда. Есть самолёты, из Тегерана можно прилететь в Захедан на пакистанской границе, удалённый более чем на тысячу километров, всего за 25 долларов. Добраться туда же автобусом можно даже за десять долларов. Гудят от людей огромные автовокзалы, откуда отправляются современные кондиционированные автобусы.

Государством субсидируется хлеб, точнее местные лепёшки, которые стоят копейки. В стране сухой закон, хотя, по слухам, спиртное есть на чёрном рынке. Из Пакистана поступает героин, и есть наркоманы, хотя власти с этим активно борются и жестоко карают виновных. Приличная система здравоохранения. Коррупционированность в стране, в отличие от времён шаха, невелика. Почти нет нищих.

В Иране сильная и уважаемая народом армия. Над городами, где я был, часто летали военные самолёты. Солдаты под-

тянуты, в очень хорошей физической форме, и в глазах у них то, что должно быть в глазах нормального солдата. Там, где я сейчас живу – на Украине, за исключением специальных карательных частей, солдаты худые, горбатенькие и, главное, со взглядом болотных лягушек.

В Иране существуют все главные атрибуты западной демократии: многопартийная система, альтернативные выборы, но всё это с антизападным вектором. Именно это и раздражает США.

В целом население страны настроено к нынешней власти критически, по крайней мере тот крайне немногочисленный слой, который говорит на иностранных языках. Открыто, не таясь, мне высказывали недовольство политическими порядками, экономическими реалиями и, конечно же, махровым иранским бюрократизмом. Многие мечтают уехать из страны и поработать за границей.

С иностранцами иранцы знакомятся бесцеремонно, если не сказать нахально. Мне встречались и русскоязычные. Студент, проучившийся три года в медицинском институте Бишкека, пригласил меня к себе домой поужинать. На полах комнат ковры, нет ни мебели, ни стульев. Кипит самовар, скопированный с русских образцов столетней давности. Горят керосиновые горелки для тепла, но форточки закрыты, вытяжной вентиляции нет, очень душно. Похожие на те же женщины в платках молча подают еду, затем они садятся группой покурить кальян: в Иране, как и в других мусуль-

манских регионах, многие женщины курят. На руках у одной из них спит маленький ребёнок.

Это традиции, их надо воспринимать без комментариев. Могу только добавить, что в турецких семьях я чувствовал себя куда больше в своей тарелке.

Не припомню, чтобы кто-нибудь в репортаже из-за рубежа писал о туалетах. А зря, это зеркало страны, показатель её цивилизованности. Впервые платные туалеты были введены в Древнем Риме, тогда император в ответ на возражения сказал свои знаменитые слова: «Деньги не пахнут». Увы, из моего собственного опыта могу сказать, что они пахнут, и ещё как пахнут! Туалетная проблема решается в различных странах мира по-разному. В Италии, например, все туалеты на вокзалах бесплатны. А вот во французской Ницце, главном городе Лазурного Берега, самого рекламируемого курорта западного мира, нет ни одного общедоступного бесплатного туалета, даже в подземных гаражах. Но что делать многочисленным нищим, бродягам, безработным, студентам, которые не хотят платить треть доллара за вход? Принюхайтесь в Ницце в любом закоулке, и вы сразу поймёте, пахнут ли туалетные деньги. Может быть, видели на фотографиях Ниццы знаменитую круглую смотровую площадку под лесистой горой, над обрывистыми скалами и морем? Там вот, в этих скалах есть проход. Там, в тридцати метрах от смотровой площадки с ордами туристов, есть незаметное сверху, но очень удобное место, где можно спокойно посидеть по боль-

шой нужде. Там десятки килограммов дерьма, хотя зимними штормами его регулярно смывает в море.

Ещё хуже ситуация в Стамбуле. Туалеты есть при мечетях, и они платные, цена вполонину западноевропейской, это при турецких-то доходах населения.

А вот Иран – страна со множеством бесплатных и чистых общественных туалетов. Они есть везде: на вокзалах, автовокзалах и обязательно при всех многочисленных мечетях. Всегда исправны водопроводные краны, течёт вода, есть нижние ёмкости для мытья ног, часто есть даже жидкое мыло в специальных бачках.

Уровень гигиены и санитарии в Иране достаточно высок. Это прямое следствие исламских порядков страны. Если человек хочет помолиться, он должен быть физически чистым, и исламские власти и мечети обязуются ему в этом помочь, вместо того чтобы сдирать три шкуры с бедняков.

Однако религиозность населения в Иране до неприличия низка для исламского государства, она меньше, чем в арабских странах. Хотя правоверный мусульманин и должен, расстелив коврик, помолиться пять раз в день, практически никто этого не делает. Мечети почти пусты. В стране много кочевников, но их дети тоже учатся в школе. На место стоянки кочевого табора посылается учитель. Когда кочевники передвигаются на новое место, их уже ждёт новый учитель. Он продолжает обучение с того момента, на котором закончил на прошлой стоянке табора его коллега.

Теперь о положении женщины. В Иране есть обязательное правило: выходя из дома, граждане должны иметь пристойный вид, а женщина обязательно должна надеть на голову платок. Платок этот обязателен и для иностранок, при подаче заявления на получение иранской визы иностранки должны быть непременно сфотографированы в платочке. На этом все формальные ограничения и заканчиваются, хотя при Хомейни порядки были жёстче. Ношение укутывающей женщину с головы до ног чёрной накидки, называемой «чадор», негласно рекомендовано, но не является обязательным, хотя большинство носит её как дань традиции. Многие молодые женщины в сочетании с этой накидкой носят брюки, в том числе линялые голубые джинсы, которые здесь как бы приравниваются к традиционным восточным шароварам. А вот шорты недопустимы даже для мужчин.

Российские средства массовой информации, повторяя западную пропаганду, любят описывать «бедственное положение женщин в Иране». На деле женщины пользуются в Иране всеми правами: могут работать, участвовать в выборах, водить машину, но некоторые, скорее негласные, ограничения на социальную роль женщины в иранском обществе существуют. Например, женщин на улицах видно мало, как, впрочем, и гуляющих детей, они находятся по большей части дома. Можно говорить не столько о специфической роли ислама или грубом давлении, сколько о местных традициях. Власти поощряют из-за кулис эти традиции, хотя не все они

полезны в современном обществе.

Однако на этот счёт полезно вспомнить положение с правами женщин у нас при СССР. Напомню, что во времена СССР в Грузии и, в меньшей степени, в некоторых других южных регионах изнасилования или попытки изнасилования приехавших в республику европейских женщин приняли массовый характер, и это было связано отнюдь не с каким-то грузинским темпераментом, а с насмешливым безразличием, если не сказать с глумливым подстрекательством по этому вопросу и правоохранительных органов, и грузинского, и союзного руководства. Так было в старые добрые советские времена, я не касаюсь периода «демократических преобразований» в Грузии, когда в Тбилиси вообще практически не осталось русских женщин моложе сорока лет.

В Грузии, которая до вхождения в состав России много столетий являлась частью Ирана, местные женщины до сих пор носят чёрную, в соответствии с иранскими традициями, одежду. Неплохо было бы там вспомнить и о своих иранских корнях и восстановить попорченные за последние десятилетия грузинской номенклатурой традиционные ценности.

В мусульманских странах, и особенно в Иране, изнасилование иностранки – редчайшее событие. Каждый такой случай расценивается не только как одно из самых страшных преступлений, но и как удар по туризму, экономике и престижу этих стран. Местный гражданин, подозреваемый в изнасиловании иностранки или в попытке изнасилования, вна-

чале попадает в казематы специально созданной в этих странах туристской полиции, обладающей практически неограниченными полномочиями. Там мгновенно проводят дознание с пристрастием, а затем виновного без промедления показательно карают с исключительной жестокостью. Так же беспощадно туристская полиция может действовать и в случае неуместных приставаний.

Я разговаривал в Иране с путешествующими «дикарями» западными туристками. В любых регионах страны, в городах и сёлах, в любое время дня и ночи, на улице и в гостях у местных жителей они чувствовали себя в полной, абсолютной безопасности. Любое приставание к женщинам в Иране исключено, к иностранкам относятся подчёркнуто приветливо и уважительно.

Сегодня на Западе модно посетить Иран в качестве туристов, в пик сезона трещит по швам не приспособленная к такому неожиданному паломничеству инфраструктура, не хватает гостиниц и туристских гидов. В Иран приезжает множество японцев, объявления в некоторых гостиницах написаны не только на английском, но тексты дублированы ещё и японскими иероглифами.

Среди туристов много женщин. Они носят платки и длинные платья, иногда даже более строгие, чем у местных жительниц. Для них в этой одежде заключается особая прелесть туризма в Иран, они на пару недель становятся восточными женщинами, с удовольствием фотографируются в этом виде

на фоне туристских достопримечательностей и демонстрируют эти фотографии у себя дома. Некоторым иностранкам этот наряд идёт, некоторые, особенно японки, выглядят в нём по-идиотски.

Город Йезд, в центре Ирана. Этот перекрёсток караванных путей является центром огнепоклонников Ирана, уже два с половиной тысячелетия живущих по заветам Заратустры, здесь функционируют храмы, где вечный огонь поддерживается уже семьсот лет. В Исфахане я посетил и армянский квартал с христианскими церквями.

Не странно ли, что в исламской республике свободно исповедуются иные религии? Ничуть. Вопреки распускаемым нашими сочинителями сказкам про диких мусульманских фанатиков, терпимость мусульман к иноверцам исторически была всегда больше, чем у христиан. Во всех мусульманских странах более тысячи лет существовали влиятельные христианские и еврейские общины, в то время как во многих христианских странах иноверцев зачастую ждали виселицы и калёное железо. Шах Аббас специально переселял армян в свою столицу Исфахан для развития торговли. Правда, в отношении к евреям в мусульманском мире ситуация изменилась в 1948 году, после возникновения государства Израиль.

В московских средствах массовой информации много любят философствовать о пути развития Турции и Ирана, примеривая их к Средней Азии. С умным видом делается глубокомысленный вывод, что, мол, путь Турции предпочтитель-

ней. Ерунда. Говорю это с полным основанием, я сам исколесил вдоль и поперёк обе эти страны и поделился впечатлениями с французом, который преподаёт в колледже в Стамбуле, он говорит и на турецком, и на фарси (иранском). Да, здесь меньше шикарных магазинов и «мерседесов», и Тегеран выглядит скромнее центра Стамбула. Но, как отмечают иностранцы: «Иран – это развивающаяся страна, которая развивается в правильном направлении».

Александр Сивов, июль 2002

Северная Корея

Коммунистическая Корея – абсолютно уникальное явление в мире глобализации. Здесь нет «макдоналдсов» и кока-колы, нет джинсов, Интернета и спутникового телевидения. Попасть сюда непросто, поскольку КНДР – одно из самых закрытых государств мира. А после возвращения в РФ кажется, что побывал в каком-то другом измерении.

К иностранцам корейцы относятся с некоторым недоверием. Мобильник изъяли прямо в аэропорту. С первого шага чувствуешь на себе настороженные взгляды людей. Белый человек – даже в Пхеньяне явление достаточно редкое, в каждом видят потенциального американского шпиона. Год назад группу студентов из московского института Азии и Африки забрали в милицию, едва они вышли на улицу из отеля. Просто их поведение показалось подозрительным окружающим. И даже глядя на портреты Маркса и Ленина, которые много десятилетий висят на центральной площади Пхеньяна, дети удивляются и спрашивают, что это за белые дьяволы.

Как живут обычные люди? В целом, конечно, довольно бедно. Но голода нет. Государство обеспечивает всех самым необходимым – жильем, бесплатным образованием и медициной. Нуждающимся дают продовольственный паёк и одежду. Так что умереть от недоедания и холода при всём

желаний невозможно. А материальное благополучие, производство «водопада товаров» в Корее мудро считают отнюдь не самым главным.

Одеваются все довольно однообразно: кто побогаче – ходит в костюме, кто победнее – в рабочей спецовке. Популярны куртки и френчи а-ля Ким Чен Ир. Женщины часто носят национальные платья. Мобильной связью пользуются лишь немногие партийные чиновники. Частных автомобилей нет вообще. Везде в городе и в метро из динамиков играют военные марши. На улицах тусуется масса подростков, очень похожих на гопников. Правда, сложно определить, гопники они или просто так выглядят.

Пьют в Пхеньяне отличное светлое пиво «тэдонган» (по вкусу чем-то напоминает «хайнекен») и тёмное разливное с привкусом кофе. Любимый тост, естественно, «за здоровье товарища Ким Чен Ира» (пьют стоя). Водка не такая крепкая, как наша, – 27–30 градусов. Лучший сорт называется «сонгак». Нажираться до свинского состояния не принято, и пьяных на улицах не видно.

Милиции на душу населения значительно меньше, чем в РФ. Наркомания, организованная преступность, коррупция отсутствуют в принципе. Криминал ограничивается мелкими бытовыми кражами и драками. Тюрем нет. Есть высшая мера (расстреливают на стадионах и показывают это дело по телевизору) и система трудовых поселений.

Пхеньян – настоящий рай по сравнению с загаженными

российскими мегаполисами. Очень чистый воздух. По площади парков на душу населения занимает первое место в мире. Прямо в городе водятся белки и фазаны, которые совсем не боятся людей. Во время войны 1950–1953 годов американцы полностью разрушили город, и корейцы отстроили его заново по единому архитектурному плану: широкие улицы, высотные здания, дворцы в традиционном корейском стиле, множество монументальных сооружений. На берегу реки Тэдон стоит 170-метровый монумент идей чучхе (единственный в мире памятник идеологии) – это колонна в виде факела со смотровой площадкой наверху. Сверху видно весь город. Прямо напротив, на другой стороне реки – гигантская бронзовая статуя Ким Ир Сена, к которой постоянно возлагают цветы.

Сегодняшнее состояние северокорейского общества больше всего напоминает послевоенный сталинский СССР с мощным культом вождей и армии, патриотизмом в идеологии. Повсюду висят портреты Ким Ир Сена и Ким Чен Ира – в каждом вагоне метро, в учреждениях и на улицах. Говорят, что во время пожара портреты вождей первым делом выносятся из дома. Практически все носят значки с изображением Ким Ир Сена. Статуям руководителей полагается кланяться в пояс. За оскорбление вождя по закону полагается смертная казнь. Этот культ связан с традиционной конфуцианской философией, в которой нация понимается как большая семья, а руководитель – как отец, которому нужно беспреко-

словно подчиняться.

Идеология *чучхе* (по-русски – «самостоятельности») – это такой национал-социализм корейского образца. Один из официальных лозунгов Трудовой партии Кореи – «Нация превыше всего!». Основной ценностью считается самостоятельность страны и народа, ради которой стоит пожертвовать и жизнью, и материальным благополучием. Корея долгое время находилась в зависимости от более сильных держав, а с конца XIX века – под прямой японской оккупацией. Люди веками жили с мечтой о независимости, поэтому после изгнания японцев и американцев Ким Ир Сен сделал это понятие главным принципом всей идеологической системы. В результате сегодня Северная Корея осталась единственной страной в мире, полностью независимой от США и транснациональных корпораций.

Ким Чен Ир проводит военно-ориентированную политику – «сонгун» («Можно обойтись без сахара и конфет, но нельзя – без оружия и патронов»). Главной движущей силой общества теперь считается не пролетариат, а армия. Численность вооруженных сил Кореи – миллион человек (как в России!). При поступлении на службу солдаты дают клятву умереть за вождя. По праздникам в Пхеньяне проводят парады и факельные шествия, в которых участвуют сотни тысяч людей. В обществе культивируется боевой дух, людей учат быть в любой момент готовыми к войне с американцами.

Слободан Милошевич и Саддам Хусейн пытались в свое

время идти на уступки США и НАТО. Ким Чен Ир выбрал иную линию поведения – наступательную, заявив, что КНДР в ответ на враждебные действия готова нанести по США ядерный удар. Руководитель учит «ответить на нападение врага возмездием, а на тотальную войну – тотальной войной».

Как напоминание для американцев, на реке Тэдон стоит захваченный корейскими моряками в 1968 году корабль-разведчик «Пуэбло». Корейцы заставили американцев принести официальные извинения (единственный случай в истории США!), и только потом отпустили домой команду. «Пуэбло» оставили у себя как трофей. Американцы предлагали миллиард долларов за его выкуп, но корейцы отказались. Сегодня «Пуэбло» – это музей, открытый для всех. Экскурсоводом до сих пор работает матрос, 36 лет назад участвовавший в захвате корабля.

К русским корейцы относятся хорошо, несмотря на все предательства последних двадцати лет. В 30-е годы немало наших солдат погибло, помогая армии Ким Ир Сена освобождать страну от японцев. Когда везде в Восточной Европе монументы советским солдатам разрушали и уродовали, Ким Чен Ир приказал увеличить существовавший скромный памятник в размерах и выполнить в граните. Жест, достойный настоящего вождя.

По корейскому телевидению из новых российских фильмов я видел мелодраму «Любить по-русски», сериал «Звез-

да» и... «Войну» Алексея Балабанова. Последний фильм пользуется у корейцев огромной популярностью: «Мы увидели, какие в России коррумпированные чиновники, а главное – что нельзя верить ни одному слову людей с Запада, они пойдут на все ради денег. Мы увидели, что в России нет хозяина, это очень плохо».

Здесь так и не смогли понять, как легко русские предали всех своих союзников по социалистическому лагерю. Когда бывший глава ГДР Эрих Хонеккер в 1991-м скрывался в Москве от преследований на родине, корейцы предлагали ему убежище у себя в стране. Но Горбачёв отказался отпустить его. Корейцы до сих пор удивлены: «Почему? Он же был верный, абсолютно лояльный Москве человек». Предательство, отказ от собственных идеалов считается здесь, как и везде на Востоке, тягчайшим преступлением. «Одна из причин падения Советского Союза, слывшего могучей державой, и прекращения существования вслед за ним социалистических стран Восточной Европы кроется в том, что эти страны идеологически переродились, здоровый взгляд людей на жизнь был отравлен буржуазным ядом. Советский патриотизм, сделавший людей столь сильными, был отравлен буржуазным идеализмом и буржуазным взглядом на жизнь, и некогда могучая Россия рухнула, как песчаный замок», – говорит Ким Чен Ир.

Коммунистической Северной Корее уже почти 60 лет. Но, как ни странно, нет никаких признаков застоя и разложения.

Ни окуджав, ни высоцких, никаких диссидентских посиделок на кухнях и гнусных кинокомедий. В чём разгадка стойкости корейцев? То ли народ другой, дисциплинированный и неприхотливый, в отличие от расслабленных русских. То ли постоянное внешнее напряжение, необходимость быть готовыми к войне сплачивает нацию. В любом случае, я не зави-
дую американцам, если они всё-таки попытаются разобраться с этой частью «оси зла»...

Андрей Дмитриев, апрель 2004

Куба

Куба – всего лишь часть иберийского мира. Ту его часть, что находится в Новом Свете, русские называют Латинской Америкой.

Иберийский мир возник в результате колониальной экспансии двух государств, располагающихся на Иберийском полуострове, – Испании и Португалии. От двух гигантских империй сегодня остались только воспоминания. Русские вовсе не единственный народ, переживший распад Великой империи. Испанцы с португальцами пережили это намного раньше нас.

Когда-то, во время СССР, Куба была нашей форточкой в Латинскую Америку. Вот уже лет пятнадцать в эту форточку никто не заглядывает. Владимир Путин в своё время вбил последний гвоздь, закрыв российскую радиолокационную станцию на Кубе, персонал которой, кстати, кубинцы безвозмездно кормили. В это же время США размещают аналогичные базы в недавно нашей Прибалтике.

Максимум, на который нас хватает сейчас, – латиноамериканские сериалы.

На испанском языке, кроме кубинцев и, само собой, испанцев, говорит почти вся Латинская Америка, за несколькими исключениями. Одно из них – португалоязычная Бразилия. Четыре пятых из тех, для кого испанский язык явля-

ется родным, не считают себя испанцами. Это относится и к кубинцам. Русский язык в этом смысле «тоталитарнее» – большая часть из говорящих на нём предпочитает считать себя русскими.

Говорящие на испанском уступают только говорящим на китайском, английском и хинди – самом распространённом языке Индии. Русскоязычные в этом соревновании долгое время шли пятыми. Но нас уже обгоняют арабы, бенгалцы и индонезийцы. Об арабах мы слышим почти каждый день. О бенгалцах и индонезийцах мы ещё услышим. Уверен.

Самый близкий к испанскому язык – португальский – по числу на нём говорящих занимает девятое место. (Раньше замыкали десятку немцы, теперь, похоже, их потеснили турки.) Испанец с некоторым трудом, но поймёт португальца. Примерно так же, как русский понимает украинца.

В совокупности жители иберийского мира уступают только китайцам и англоязычным.

Основные слова испанского восходят к умершему языку Римской империи – латыни. Но латынь успела дать жизнь целой куче языков, называемых романскими (от латинского названия города Рима – Рома). Кроме испанского с португальским – французскому, итальянскому и даже румынскому. В бывшем СССР была республика, разговаривавшая на одном из романских языков – Молдавия. Знающий один романский язык без большого труда способен выучить другой. Многие знакомые мне кубинцы легко шпарили по-француз-

ски, тем более по-итальянски. Поэтому иберийский мир является хотя и самой крупной, но частью мира романского.

При трёх урожаях в году, тепле и отсутствии животных, опасных для человека, доиспанское население Кубы просто ловило кайф. В 1492 году Колумб открыл этот рай. И в него полезли с одной целью – хапнуть побольше и побыстрее. Знакомая ситуация.

Индейцев здесь почти истребили в первое же столетие испанского владычества. Постоянный труд казался беднякам такой жуткой каторгой, что они предпочитали самоубийство. Так что привычный скуластый облик латинос, знакомый по фильмам мексиканца Родригеса, на Кубе почти отсутствует. Как в старых восточнонемецких фильмах индейца играл югослав Гойко Митич, так и кубинских индейцев изображают сейчас для туристов актёры кубинской самодеятельности.

Гэдээровские фильмы про индейцев, кстати, как раз здесь и снимались.

Последняя по времени попытка политического объединения иберийского мира, хотя бы на американском континенте, предпринята по инициативе Кубы. Знаменем и символом этой попытки стал Эрнесто Че Гевара. Сама биография Че будто предназначила его для роли человека-символа: отец экс-чилиец, близкая родня в Испании, сам аргентинец, жил и работал в Гватемале и Мексике, первая жена перуанка, стал кубинским министром, погиб боливийским партизаном. Иногда думают, что Че – классический левак, комму-

нист, близкий европейским персонажам, вроде Тольятти или Тореза. Это не так. Сам Че несколько раз проговаривался, называя свои взгляды левым национализмом. В надписях, выбитых над мавзолеем Че в Санта-Кларе, часто упоминаются Латинская Америка, и в каждом абзаце – патриотизм. Коммунизм не попался на глаза ни разу.

О Че на Кубе напоминает всё. Даже в туалете играет песня, посвящённая героическому команданте. Удивительно, звание «команданте» соответствует всего-навсего нашему майору.

Раздробленность иберийского мира вызвана не только кознями хитрых янки, не желающих иметь на юге мощного конкурента. Главная причина стара, как мир. Неисправленные и непреодоленные ошибки прошлого мешают настоящему. Не учатся на ошибках, если верить пословице, только дураки.

Новая попытка иберийского единства не может быть инициирована одной только Кубой, или Испанией, или, например, мощно развивающимися Мексикой, или Аргентиной. Единство – дело всех. Но два условия необходимы. Кристаллизация контрэлиты, морально и интеллектуально превосходящей нынешние региональные элиты. И единая патриотическая идея, привлекательная для всех регионов. Иберийский мир ждёт своего, иберийского национал-большевизма.

Прилетевшему на Кубу бывшему советскому может показаться, что он вернулся в СССР 70-х годов. В первую оче-

редь, из-за старых советских автомобилей. Вазовские «копейки», «уазики» и «зилки» – вот что преимущественно ездит по кубинским дорогам. Конкурируют с продукцией советского автопрома только китайские велосипеды. И местные повозки, запряжённые лошадьми. А ещё много старых иномарок, которые я раньше видел разве что в фильмах 50–60-х годов. В стране моего детства иномарок почти не было.

«Сузуки», «Фольксвагены» и «бэхи» тоже не редкость, но эти уже новенькие. И такси тоже новенькие. А вот новых российских авто на Кубе не ищите.

Номера автомобилей разноцветные. Жёлтые номера у частных, красные у туристов, синие достались государственным авто.

Если вы представляете внешность кубинцев по Фиделю и Че, то вы удивитесь: чаще вам встретится негр или мулат.

Если Европа с Африкой где-то смогли найти общий язык, то это как раз на Кубе. Даже когда я оказывался среди толпы сплошных негров в узких закоулках старой Гаваны – моя белая кожа никогда не становилась для меня причиной опасности. Расизм в иберийском мире не покатит – это точно.

Хотя влюблённые пары, как правило, одного цвета кожи. Но исключения никого не шокируют.

У кубинцев не четыре сезона в году, а два – лето и зима. Зима отличается тем, что в это время почти не бывает дождей и сильной жары. А дождь по-кубински означает совсем не то, что дождь по-русски. Он не капает. И даже не льётся.

Он хлыщет. Хлыщет так, будто с неба опрокинули океан воды. Часто дождь сопровождается диким ветрищем. Если ветрище кидает в небо велосипеды – это уже ураган. Зимой испаряемая солнцем вода улетает на север. И, превратившись от холода в узорчатые кристаллы льда, выпадает у нас. Так что скажем Кубе спасибо за снег.

Куба – остров небольшой. Вдоль можно проехать за день. Поперёк – за час-другой-третий. Остров вмещает одиннадцать миллионов кубинцев. Из которых три обитают в столице – Гаване.

В прошлом десятилетии, когда кубинцев киданули кремлёвские жители, в стране разразился ужасающий кризис. Кончились запчасти к технике. Кончилось топливо. Сельхозпродукция, ненужная, гнила на складах. Производства встали. Дороги опустели. Люди, лишившись работы, превратились в нищих. Конечно, во всём виноват Фидель.

Виноват в том, что ещё в 50-е годы скинул диктатуру Батисты. Батиста фальсифицировал выборы, заключал сомнительные сделки в ущерб стране и её жителям, прессовал оппозицию, окружил себя сворой сволочи. Фидель затеял партизанскую войну, которую через два с небольшим года выиграл. Выиграть войну Фиделю помогли крестьяне. Именно они шли в солдаты революции. Но земля, на которой они жили, им не принадлежала – ею обладали солидные люди с тугими кошельками. И тут Фидель провинился ещё сильнее.

Начал реформу, наделяя землёй тех, кто её обрабаты-
ва-

ет. И это очень не по-хорошему напрягло и солидных людей, и их деловых партнёров. Дальше Фидель свою вину всё усугублял и усугублял. В конце концов, когда терять уже было нечего, двинул госстрой Кубы в сторону советского социализма. Итог: многие представители обеспеченных слоёв населения слиняли с Кубы, а США – главный мировой буржуа и по совместительству главный мировой полицией – стали давить на Фиделя и экономически, и физически. Достаточно сказать, что Фидель – абсолютный рекордсмен среди мировых политиков по числу совершённых на его жизнь покушений. Результат действий США известен – нулевой. С Фиделем США обломались так же, как с Вьетнамом.

Что касается экономических санкций: поверить в то, что они направлены исключительно против Фиделя, способны только идиоты. Неудобства от этих санкций испытывают обыкновенные граждане. Некоторые из санкций просто изумляют: надо же, до чего америкосы изобретательны в свинстве! Например, судно, невзначай заплывшее на Кубу, на полгода теряет право заходить в американские порты. А американский гражданин, простодушно отославший на Кубу посылку, рискует залететь на полсотни штук зелёных – столько с него сбашляют в качестве штрафа.

Трагедией Фиделя стало то, что он связался с Кремлём. Москва клятвенно обещала ему поставлять всё, что понадобится для кубинской экономики. Отказ Москвы от своих обязательств напоминал садистский эксперимент над мухой:

если ей крылышки оторвать – полетит или нет? К нашему изумлению – Куба не повымерла.

Вместо сельхозэкспорта первой статьёй доходов стал туризм. А вместо русских поставкой техники занялись канадцы. Как раз канадцев из иностранцев теперь тут больше всех. Я разговорился с одной канадской семьёй. Инженеры-нефтяники. Их фирма работает с кубинцами. Канадцам нравится отдыхать на Кубе.

На острове в этом году высадилось два миллиона туристов. И это не предел. Повсюду строятся отели. Выпускники вузов идут работать в официанты и обслугой в гостиницы.

Ещё до поездки мне попадались впечатления о Кубе одного из моих бывших знакомых. Долго и изобретательно замазывая грязью всё, что напомнило ему о советском прошлом («Когда говорят о грязном прошлом – надо верить. У них оно действительно грязное»), болван нашёл только один плюс – проституцию. Моральных уродов вынужден разочаровать: слухи о баснословной дешевизне кубинских проституток не подтвердились – самарские девушки предлагают свои тела даже дешевле. Но кубинские девушки – это что-то!

Представьте сами, что будет с девушкой, если она живёт в тропическом раю, ездит на велосипеде и минимум несколько часов в день танцует танцы, да такие, в сравнении с которыми шейпинг отдыхает. Это будет кубинка. Кроме того, если в СССР пытались загнать секс в рамки семьи, удостоверяя право на него штампом в паспорте, то здесь в этом отноше-

нии – действительно остров Свободы.

При этом кубинки рожают много детей, а показатель детской смертности – один из самых низких в мире.

Средняя продолжительность жизни на Кубе – порядка 75 лет. То есть кубинки живут в среднем на 10 лет дольше россиянок, а кубинцы – на 15 лет дольше россиян. Старички суроваты и лихо гоняют на велосипедах.

Во время Карибского кризиса мой отец был на Кубе – в составе советских частей, готовых помочь кубинцам в случае американской интервенции. Сорок лет спустя я тоже приехал сюда. Часть моего сердца осталась здесь навсегда. Я полюбил этот народ и его страну. Я буду мстить и за Кубу.

Георгий Квантришвили, декабрь 2004

Курдистан

Я еду в турецкий Курдистан обычным поездом, который, петляя зигзагами, проходит через всю Турцию. По пути, километрах в трехстах от Анкары – довольно крупный город Сиваш. Внимательно всматриваюсь в пейзаж, потому что хорошо знаю, что хотя это еще территория с преобладанием тюркоговорящего населения, но я уже нахожусь в зоне партизанской войны, которую ведут здесь подпольные левые партии.

Позвольте, но где же здесь горы, где укрываются партизанские отряды? Если называть эту выжженную солнцем холмистую степь горами, то подобных «гор» можно сколько угодно найти и на юге Украины. Все так похоже – те же деревни, те же поля сжатой пшеницы, все та же бедность...

Наконец я на месте, в полуторамилионном Диярбакире, неофициальной пока столице Курдистана. «У нас, курдов, он вызывает сентиментальные чувства», – говорили мне еще в Стамбуле. Сентиментальность сентиментальностью, но город набит беженцами, которые живут в огромных районах, состоящих из наспех построенных лачуг. Население города почти сплошь курдское, люди помнят это и всегда подчёркивают при беседе со мной, иностранцем, своё происхождение.

Бросается в глаза страшная бедность большей части населения Курдистана даже по сравнению с трущобами Стамбула

и других крупных городов запада страны, хотя и здесь есть свой крайне немногочисленный состоятельный слой населения. Масса детворы торгует, начиная с восьмилетнего возраста. Весь город – один большой базар, нормальной работы для населения почти нет. Много нищих и калек.

На улицах масса вооружённых до зубов полицейских и военных. Офицеры армии и полиции в Турции особенные – холёные, прекрасно оплачиваемые. Все как на подбор – мускулистые, довольные собой, кто-то с пистолетом, кто-то с автоматом, кто-то в бронемашине с пулемётом. Солдаты не перегружены ни нарядами на кухню, ни строительством дач для начальства, ни сельхозработами, ни прочей белибердой, в которой погрязла в свое время Советская Армия. Солдат в Турции занимается только одним – учится воевать. Худощавые и тренированные, они представляют собой разительный контраст с голодными придурковатыми заморышами из, к примеру, украинской армии. Даже после страшного недавнего землетрясения (сорок тысяч погибших) турецкая армия сутки колебалась, стоит ли прерывать важные военные дела и заниматься такой чепухой, как спасение обывателей, погребённых под обломками домов.

Полицейские долго не засиживаются в одном городе, их непрерывно меняют, и за свою жизнь они служат во многих городах. В Диярбакыре бросаются в глаза полицейские-женщины, также худощавые и подтянутые, с обязательным пистолетом. Часто они светловолосые, что характерно для за-

падных регионов страны, и этим резко контрастируют со смуглым местным населением. В рядах турецких и курдских партизанских отрядов также множество девушек. Существуют и чисто женские партизанские отряды.

Вообще, европейское представление о забитости мусульманских женщин в значительной степени преувеличено. В этой отсталой азиатской глубинке сейчас чадра является редчайшим явлением. Большая часть крестьянок и кочевниц не носила её ни при каких султанах – им надо было работать в поле, чтобы выжить и кормить семью, и они не занимались этой ерундой.

Рядом с армейскими казармами и другими стратегически важными объектами за колючей проволокой находятся обложенные мешками с песком будки для часовых. Несмотря на 45-градусную жару, они внимательно осматриваются по сторонам, наблюдая за каждым прохожим, включая и меня, хотя сейчас в Диярбакире в политическом отношении относительно спокойно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.